

Дело о Потерянном ВРЕМЕНИ

АЛЕКСАНДРА СНЕГИРЬ

— Исторический детектив —

Александра Снегирь

Дело о потерянном времени

<https://litres.ru/74667419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если школьный учебник истории — это на самом деле тайный архив нераскрытых дел?

Большинство людей привыкли думать, что история — это скучный список параграфов, который так трудно удержать в голове. Но что, если взглянуть на прошлое глазами настоящего следователя?

Когда обычные школьники Соня и Миша переступают порог старого архива, наставник Павел Андреевич открывает перед ними старинный ларец с четырнадцатью запечатанными отсеками. Каждая эпоха предстаёт как грандиозная детективная загадка. В их руках оказываются живые вещественные улики.

Эта книга решает главную проблему: она навсегда избавляет от страха перед зубрёжкой дат и превращает изучение тысячелетней истории России в захватывающее расследование, где каждый факт логичен, каждое событие оставляет след, а судьба страны становится близкой и понятной каждому сердцу.

Готовы ли вы снять печать с архива и узнать, кто на самом деле пишет историю сегодня?

Содержание

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	5
ПРОЛОГ	7
Коробка без адреса	7
ГЛАВА 1. БЕРЕСТА, КОТОРОЙ ТЫСЯЧА ЛЕТ	12
ГЛАВА 2. СЛЕДЫ НА ПЕПЕЛИЩЕ	44
ГЛАВА 3. ПЕЧАТЬ, КОТОРАЯ СОБИРАЛА ЗЕМЛИ	73
ГЛАВА 4. КАРТА СМУТЫ	94
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дело о потерянном времени

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой мой читатель — будущий исследователь времени!

Если ты держишь в руках эту книгу, значит, тебе выпала редкая и удивительная удача. Ты стоишь на пороге двери, за которой время теряет свою привычную власть.

Скажи мне честно: бывало ли так, что учебник истории казался тебе непреодолимой горой? Десятки похожих дат, имена князей, царей, генералов, длинные названия договоров, которые путаются в памяти уже на следующий день после контрольной работы... Если да — отбрось все страхи и сомнения. С этой минуты всё будет иначе.

Представь, что в тихой комнате школьного музея стоит дубовый ларец, запечатанный четырнадцатью печатями. Внутри него нет готовых параграфов с готовыми ответами. Там лежат вещественные улики.

Вместе с моими героями ты пройдешь сквозь тысячу лет русской славы, испытаний и побед. Ты научишься главному искусству настоящего историка: не просто заучивать — а понимать, искать мотивы, различать правду и ложь. А главное — дойдя до конца, ты поймешь самую поразительную тайну: история никогда не заканчивается в прошлом. Она живет в ритме твоего сердца, в огнях за твоим окном, в твоих мыслях и твоих будущих делах.

Наше общее расследование начинается прямо сейчас.

Сделай глубокий вдох, поверни старинный латунный ключ и сделай свой первый шаг в вечность.

С любовью и верой в каждого из вас,

Ваша Александра Снегирь

ПРОЛОГ

Коробка без адреса

Пятница в школе номер два всегда пахла одинаково: хлоркой из столовой, мокрыми куртками в раздевалке и нетерпеливым ожиданием звонка. Но в самом конце длинного коридора третьего этажа, за тяжелой дубовой дверью с табличкой «Школьный музей», время текло по своим, совершенно иным законам. Здесь пахло старой бумагой, сургучом и едва уловимым ароматом книжной пыли, который почему-то всегда казался Соне запахом приключений.

Соня поправила очки и вздохнула. Она сидела перед огромным стеллажом, пытаясь систематизировать фотографии выпускников восьмидесятых годов, когда дверь музея скрипнула. В проеме показался Миша — ее одноклассник, человек, чей скептицизм мог бы заморозить даже кипящий чайник. Он нес в руках странный предмет.

— Пал Андреич! — крикнул Миша, оглядываясь. — Тут на пороге кто-то посылку оставил. Без марки, без обратного адреса. Просто ящик. Вахтерша говорит, какой-то парень в капюшоне занес и сразу ушел.

Из-за высокого книжного шкафа появился Павел Андреевич — седой, невысокий человек с удивительно пронзи-

тельными глазами. Он был профессиональным архивистом, который, как шептались в школе, знал лично всех правителей России от Рюрика до наших дней, просто умел это скрывать. Он подошел к столу, на который Миша с глухим стуком опустил коробку.

Коробка выглядела... неправильно. Она была сделана из плотного картона, перевязана грубой бечевкой, а углы были обиты потемневшей от времени медью. На верхней крышке не было наклеек службы доставки. Там была лишь одна фраза, выведенная каллиграфическим, почти устаревшим почерком:

«Историю нельзя украсть. Ее можно только забыть. Ищите следы».

— «Ищите следы»? — Соня подошла ближе, чувствуя, как на затылке зашевелились мелкие волоски. — Это что, квест? Реклама новой игры?

— В нашей профессии, друзья мои, — негромко произнес Павел Андреевич, доставая из кармана перочинный нож, — квесты называются расследованиями. А игра - поиском истины.

Он осторожно разрезал бечевку. Крышка поддалась не сразу, словно сопротивлялась свету современных ламп. Когда она наконец открылась, ребята не увидели ни золота, ни драгоценностей. Внутри, в углублении из черного бархата, лежал небольшой, скрученный в трубочку лоскут. На первый взгляд — обычный мусор.

— Это что... кора? — Миша разочарованно фыркнул. — Кто-то подкинул нам в музей кусок березы? Очень остроумно.

Но Соня уже видела то, чего не заметил её невнимательный друг. Она осторожно, затаив дыхание, протянула руку, но Павел Андреевич мягко остановил ее, протянув тонкие хлопковые перчатки.

— Сначала облачитесь в доспехи следовательно, Софья. История не любит жирных пятен от чипсов.

Надев перчатки, Соня бережно развернула свиток. Это была берестяная грамота. Края ее были рваными, цвет — темно-медовым, почти коричневым. Но на внутренней стороне отчетливо виднелись процарапанные знаки. Буквы были странными, угловатыми, похожими на маленькие копыя.

— «Г... О... С... П...» — Соня пыталась прочесть вслух. — Тут написано «Господи»? Или «Господин»? И еще цифры... нет, это не цифры. Это какой-то код.

— Это не код, — Павел Андреевич склонился над столом, и его лицо вдруг стало очень серьезным. — Это почерк человека, который жил в Новгороде девятьсот лет назад. Смотрите внимательно. Это не просто текст. Это улика.

— Улика чего? — Миша прищурился. — Того, что в двенадцатом веке тоже любили писать смс-ки?

— Улика того, что время не пропадает бесследно, — архивист выпрямился и обвел ребят взглядом. — Послушайте меня. Многие думают, что история — это скучный список

дат в учебнике. Сначала был один царь, потом другой, потом война, потом мир... Но это ложь. Настоящая история — это детектив, в котором совершено величайшее преступление: время украдено у нас. Мы не слышим голосов тех людей, мы не понимаем их мотивов. Но они оставили следы.

Он указал на бересту.

— Эта вещь — свидетель. Но запомните главное правило нашего расследования: «Исторический предмет — это не готовый ответ». Если вы найдете одну пуговицу на месте сражения, она не скажет вам, кто победил. Но если вы сопоставите ее с картами, письмами генералов и записями в полковых книгах — пуговица расскажет, как дрожал от холода солдат в ту ночь, когда решалась судьба империи.

Соня посмотрела на дно коробки. Там под бархатом прощупывалось что-то еще. Целая пачка конвертов, старых монет и даже обломок чего-то, похожего на авиационный винт.

— Значит, мы будем искать? — спросила она. — Будем искать, куда пропало это время?

Павел Андреевич улыбнулся. Это была улыбка человека, который только что открыл портал в бездну, и эта бездна была прекрасна.

— Мы не просто будем искать. Мы будем сопоставлять. Мы будем ловить историю на лжи и искать правду там, где ее пытались сжечь. Первая улика перед вами. Новгород. Конец десятого века. Время, когда Русь выбирала, кем ей быть. Вы готовы войти в этот архив?

Миша посмотрел на бересту, потом на Соню. Его скептицизм таял, как мартовский снег.

— Девятьсот лет, говорите? — пробурчал он, поправляя рюкзак. — Ладно. Посмотрим, какой из этого Новгорода получится детектив.

За окном школьного музея ударил колокол — обычный звонок на перемену. Но для троих людей в этой комнате он прозвучал как набат древнего вече, созывающий на поиск правды, спрятанной в складках веков. Дело о пропавшем времени было официально открыто.

ГЛАВА 1. БЕРЕСТА, КОТОРОЙ ТЫСЯЧА ЛЕТ

Дело первое: От призвания варягов до заката киевского стола (IX — начало XIII века)

Акт I. Протокол осмотра вещественного доказательства

На старинном дубовом столе школьного архива, среди пожелтевших инвентарных книг и бронзовых подсвечников, лежал продолговатый древесный свиток. В ярком луче настольной лампы он не казался сокровищем: полоска серо-розовой березовой коры длиной едва ли в ладонь, с неровными, словно обломанными краями, покрытая продольными чечевичками и тончайшим слоем слежавшейся тысячелетней глины.

Соня аккуратно наклонилась над стеклом лупы, не касаясь экспоната даже пальцами в белых хлопчатобумажных перчатках. Ее дыхание слегка затуманило линзу. Сквозь увеличительное стекло проступили глубокие, резкие борозды. Это не были трещины дерева. Неизвестный мастер выцарапал на гладкой внутренней поверхности коры четкие, угловатые знаки. Они шли сплошной лентой, без единого пробела, без точек, запятых или привычных современному глазу абзацев.

— Взгляни, Миша, — прошептала Соня, боясь повысить голос в гулкой тишине музейного зала. — Вот здесь, во второй строке. Первый знак — это наш «ер», твердый знак, похожий на топорик. А рядом — «юс»? Или обычный «он»? Смотри, как процарапана буква «покой»: две вертикальные черты и перекладина сверху. Писцу было тяжело, кора сопротивлялась острию.

Миша, привалившись плечом к массивному книжному шкафу, скрестил руки на груди. Его скептическое лицо выражало крайнюю степень недоверия к происходящему:

— Соня, это просто кусок дерева. Любой первокурсник исторического факультета мог взять костяную спицу, найти в парке старую упавшую березу и нацарапать на ней всё что угодно — от алфавита до текста песни. Почему мы вообще уверены, что этой штуке тысяча лет? Где углеродный анализ? Где печать Института археологии Российской академии наук? Нас кто-то разыгрывает. Коробка без адреса, надпись «Ищите следы»... Это типичный квест для привлечения школьников в краеведческий кружок.

Из глубокой тени архивных стеллажей неслышно появился Павел Андреевич. В руках пожилого архивиста тихо звякнули стеклянные пластины с микроскопа и тяжелый фолиант академического издания «Новгородские грамоты на бересте» под редакцией Артемия Арциховского и Валентина Янина. Глаза старика под густыми седыми бровями лучились спокойной насмешливостью опытного следователя, поймав-

шего дилетанта на грубой ошибке.

— Прекрасный вопрос, Михаил, — негромко проговорил архивист, опуская книги на край стола. — Сомнение — первейшая добродетель исследователя. Если историк слепо верит каждому попавшему в руки предмету, он превращается из ученого в собирателя сплетен. Но фальсификатор, мой юный друг, всегда прокалывается на мелочах. На том, чего нельзя симитировать без глубочайшего знания палеографии и стратиграфии.

Павел Андреевич включил ультрафиолетовую лампу. В холодном синеватом свете темные борозды на коре вспыхнули тусклым зеленоватым свечением.

— Посмотрите на эти буквы. Перед нами не поздняя кириллица времен Ивана Грозного и не скоропись Романовых. Это классический древнерусский устав конца XI — начала XII столетия. Обратите внимание на букву «ять» — она еще не потеряла своего верхнего треугольника. Посмотрите на букву «земля» — она выписана как греческая дзета. А главное — обратите внимание на надрезы. Береста была свернута в трубочку, когда была свежей и влажной. Если бы ее свернули вчера, высохшая за века кора мгновенно раскололась бы на десятки волокон. Но самое поразительное — в содержании. Софья, вам удалось разобрать первую строчку?

Девочка сверилась с таблицей древнерусской азбуки, лежавшей рядом:

— Кажется... «Ѣ Ноздрѣа къ Борису...» — неуверенно

прочитала она. — От Ноздри к Борису? Ноздря — это что, имя такое?

— Именно, — улыбнулся Павел Андреевич. — Прозвищное некалендарное имя. В домонгольской Руси людей звали не только крестильными именами, данными по святцам, но и привычными славянскими: Волчий Хвост, Ноздря, Твердислав, Домажир. И о чем же пишет этот почтенный новгородец Ноздря своему адресату Борису?

Соня прикусила губу, медленно ведя пальцем по транскрипции:

— «...возми у Жирочька шестнадцать векошь... а не вдасть, то поими на немъ поручника... а куны пришли к осенине...»

Миша недоуменно моргнул:

— Векши? Куны? Поручник? Это что, финансовая расписка?

— Это протокол судебного и финансового спора девятивековой давности, — торжественно произнес архивист. — Частное письмо двух горожан, в котором упоминаются древнерусские деньги, институт поручительства и долговые обязательства. И вот здесь, друзья мои, захлопывается главная ловушка нашего исторического детектива. Перед нами загадка, над которой историки бились два столетия: может ли одна эта частная записка о долге рассказать нам, как на самом деле возникло, развивалось и чем жило гигантское государство, раскинувшееся от Таманского полуострова до Белого

моря?

Павел Андреевич выдвинул глубокий ящик дубового стола и извлек оттуда большую ламинированную карту, на которой густая сеть рек Восточно-Европейской равнины была расчерчена стрелками торговых караванов и границами племенных союзов.

— Чтобы понять, откуда взялись эти «куны» и почему новгородский житель Ноздря умел писать в эпоху, когда европейские бароны вместо подписи ставили отпечаток грязного пальца, мы должны открыть дело номер один. Дело об истоках Руси. И начнем мы его с осени 862 года.

Акт II. Тайна 862 года: Призвание варягов и великий спор

Архивист положил на карту тяжелое увеличительное стекло прямо на точку, обозначенную как «Рюриково городище» у истока реки Волхов из озера Ильмень.

— Представьте себе этот мир, — заговорил Павел Андреевич, и его голос обрел глубокие, бархатные интонации опытного лектора. — Девятый век. Бескрайние, непроходимые таежные дебри, топкие мшары, тысячи рек и озер. Ни дорог, ни мостов, ни телеграфа. На этой равнине живут восточнославянские союзы племен: ильменские словене вокруг Новгорода и Ладоги, кривичи в верховьях Днепра и Волги, вятичи в лесах Оки, радимичи на Соже, древляне в глухих чащах Припяти и поляне на высоком правом берегу Днепра. Рядом с ними — финно-угорские народы: меря, весь, чудь, мурома. И над всем этим пространством царит

жестокий закон раннего Средневековья: либо ты организован в единую военную силу, либо ты становишься добычей хищных соседей.

— С севера давили скандинавские викинги — варяги, — вступила Соня, листая конспект. — А с юга, из прикаспийских степей, дань требовал Хазарский каганат!

— Именно так, Софья, — подтвердил учитель. — Славяне оказались меж двух огней. И вот под 862 годом монах Нестор, составлявший в начале XII века в Киево-Печерском монастыре великую летопись «Повесть временных лет», делает запись, вокруг которой до сих пор ломаются копья историков:

«Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) в ней нет. Приходите княжить и судить нами"».

Миша не удержался от реплики:

— Вот оно! Знаменитая «норманнская теория»! Нам еще в седьмом классе рассказывали: немецкие академики Миллер, Байер и Шлёцер при Анне Иоанновне утверждали, что славяне были настолько дикими, что не могли сами создать государство, и позвали умных скандинавов Рюрика, Синеуса

и Трувора. А Михаил Ломоносов чуть не подрался с Миллером, доказывая, что варяги были славянами с южного берега Балтики — ваграми или пруссами!

Павел Андреевич удовлетворенно прищурился:

— Прекрасная историографическая эрудиция, Михаил! Но современная историческая наука давно вышла из детских штанишек идеологических споров XVIII века. Государство — это не мобильный телефон, который можно привезти в кармане из Швеции и подарить аборигенам. Государство нельзя создать по заказу одного человека. Это сложный процесс созревания общества: должны появиться излишки продуктов, должно выделиться родовое дворянство — бояре, дружина, должны развиваться города и торговые связи. К 862 году славянские племена стояли на самом пороге государственности. А варяжский конунг Рюрик со своей дружиной был приглашен в Ладогу и Новгород как наемный третейский судья и военачальник.

— То есть пригласили независимого арбитра со стороны, чтобы местные кланы не перебили друг друга в борьбе за власть? — уточнила Соня.

— Блестящая детективная формулировка! — воскликнул архивист. — Местная племенная верхушка словен и кривичей не могла договориться, чей род будет главным. Приглашение чужака с профессиональной дружиной нейтрализовало внутреннюю междоусобицу. Рюрик сел княжить сначала в Ладоге, затем перебрался на Рюриково городище под

Новгородом. Его братья, легендарные Синеус и Трувор — чьи имена историки часто расшифровывают из древнескандинавского как «sine hus» (свой род) и «thru varing» (верная дружина), — сели в Белоозере и Изборске. С этого момента начинается отсчет династии Рюриковичей, которая будет править русскими землями более семи столетий — вплоть до смерти царя Фёдора Иоанновича в 1598 году.

Справка следователя: Исторический термин

НОРМАННСКАЯ ТЕОРИЯ: Историческая концепция, сформулированная в XVIII веке немецкими историками Г. Байером, Г. Миллером и А. Шлёцером, согласно которой государственность на Русь была привнесена извне скандинавами (норманнами). Антинорманнизм (М. Ломоносов, Б. Рыбаков) доказывал автохтонное (местное славянское) происхождение государства. Современный научный консенсус: государственность вызрела внутри славянского общества, а скандинавы сыграли роль катализатора и сформировали раннюю военно-торговую верхушку.

Акт III. Бросок на юг: 882 год и ось двух морей

Павел Андреевич провел латунной указкой от Новгорода строго на юг, сквозь лесные дебри верховьев Днепра, мимо Смоленска и Любеча, прямо к высокому киевскому холму.

— Но один Новгород не мог стать колыбелью великой державы, — продолжил он. — Север был суров: зерно здесь росло плохо, земля была скудной, болотистой. Главное богатство севера — пушнина: соболь, куница, белка, бобр. Чтобы

превратить эти шкуры в золото, серебро и драгоценные ткани, нужен был выход к богатейшим рынкам тогдашней ойкумены. Нужен был выход в Черное море, к берегам Ромейской империи — Византии. А путь туда перекрывал Киев, где княжили двое дружинников Рюрика — Аскольд и Дир, отложившиеся от новгородского стола.

В глазах Миши вспыхнул азарт:

— И тогда на сцену выходит Вещий Олег!

— Да, регент при малолетнем сыне Рюрика, князе Игоре. Человек железной воли, беспощадного расчета и выдающегося полководческого таланта. В 882 году Олег собирает войско из варягов, чуди, словен, веси и кривичей, сажает их в ладьи и движется вниз по Днепру. Захватив Смоленск и Любеч, он подходит к Киевским горам. Но брать укрепленный град штурмом было слишком рискованно. И Олег применяет классическую военную хитрость.

Архивист приоткрыл летописный свод:

«И приплыл Олег к Угорской горе, спрятав воинов в ладьях, и послал к Аскольду и Диру сказать: "Мы купцы, идем в греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим". Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили воины из ладей, и сказал Олег: "Вы не князья и не княжеского рода, а я княжеского рода, а это сын Рюрика". И убили Аскольда и Дира, и сел Олег княжить в Киеве, и сказал: "Да будет это мать городам русским!"»

— Вот она, ключевая точка синтеза! — Соня даже при-

встала со стула. — 882 год — это дата объединения Северного и Южного центров Руси в единое Древнерусское государство! Новгород и Киев соединились в один стальной кулак!

— Браво, Софья! — кивнул архивист. — Олег создал стальной хребет русской геополитики: водный путь «из варяг в греки». Вдумайтесь в масштаб этого пути: Балтийское море — Финский залив — река Нева — Ладожское озеро — река Волхов — озеро Ильмень — река Ловать. А дальше? Дальше начинались страшные волоки! Ладьи вытаскивали на сушу и на круглых бревнах-катках руками перетаскивали волоком по несколько верст водораздела до рек Торопы или Каспли, впадающих в Западную Двину и Днепр! А по Днепру караван шел через Смоленск и Киев к грозным порогам — каменным грядам, где вода ревела и пенилась, а из прибрежных скал летели стрелы кочевников-печенегов. И только преодолев пороги, купцы выходили в Русское (Черное) море и плыли к Константинополю — Царьграду.

— Но Олег не просто торговал, — добавил Миша. — Он заставил греков платить!

— В 907 году Олег предпринимает грандиозный морской поход на Царьград. Две тысячи ладей по сорок воинов в каждой! Греки перекрыли гавань Золотой Рог тяжелой железной цепью. И тогда Олег совершил то, что византийские хроники описывали со священным ужасом: вытащил ладьи на берег, поставил их на колеса, поднял паруса, и русские корабли посуху пошли на приступ городских стен! Испуганный

император запросил мира. В 911 году был заключен первый в русской истории полноценный письменный международный договор. Русские купцы получили право беспошлинной торговли в Константинополе, бесплатную баню, продовольственное обеспечение на полгода и право жить в предместье у монастыря святого Мамонта. А Олег, уходя, прибил свой щит к воротам Царьграда — не как знак разорения, а как символ победы и покровительства.

Улика №1: Торговая система Руси

ПУТЬ «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»: Главная трансконтинентальная торгово-военная магистраль Восточной Европы IX–XII вв. Связывала Балтийский регион (Скандинавию) с Византийской империей. Основные экспортируемые товары Руси: «мягкое золото» (меха соболей, куниц, белок), воск, мед, лен, смола, рабы (челядь). Импорт из Византии: шелка (паволоки), парча, пряности, вина, иконы, книги, ювелирные изделия, оружие, стекло.

Акт IV. Трагедия у Искоростеня и месть реформатора

Павел Андреевич перевернул страницу хроники. Его взгляд стал жестким и сосредоточенным.

— Но у этого блестящего государства был один врожденный смертельный порок. Государство не может существовать без налоговой системы. А как собирались налоги в первой половине X века при князе Игоре Рюриковиче? Это называлось полюдьем. Каждую осень, когда замерзали реки и болота, киевский князь со своей дружиной выезжал из Кие-

ва и отправлялся в круговой объезд подвластных племен — древлян, дреговичей, кривичей, радимичей. Князь кормился за счет племени всю зиму, забирал меха, мед, хлеб и к весне возвращался в Киев. Никаких норм не существовало: брали столько, сколько могла увезти дружина и сколько боялись не отдать соплеменники.

— Рэкет государственного масштаба, — мрачно резюмировал Миша.

— Грубо, но по существу верно, — согласился учитель. — И в 945 году эта система дала катастрофический сбой. Игорь собрал дань с древлян в их столице Искоростене. Но на обратном пути его дружинники начали роптать: «Отроки Свенельда богато оделись оружием и портами, а мы наги. Пойдем, князь, с нами еще за данью, и ты добудешь, и мы». Игорь отпустил большую часть войска с обозами в Киев, а сам с малой дружиной вернулся к древлянам за добавком. Древлянский князь Мал собрал совет со своими старейшинами и произнес знаменитую притчу: «Если повадится волк к овцам, то перетаскает все стадо, если не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». Малая дружина Игоря была перебита, а самого князя привязали к верхушкам двух согнутых берез и разорвали надвое.

Соня поежилась, представив эту картину в глухом осеннем лесу.

— И на киевском престоле осталась вдова Игоря — княгиня Ольга с трехлетним сыном Святославом. Древляне ре-

шили, что теперь они могут диктовать условия, и прислали сватов: предложили Ольге выйти замуж за их князя Мала!

— Летописная месть Ольги — четыре последовательные кары — известна каждому школьнику, — продолжил архивист. — Первых послов закопали заживо в ладье на княжеском дворе. Вторых сожгли в бане. Затем была тризна под стенами Искоростеня, где пьяных древлян перебили воины Ольги. И, наконец, сожжение самого Искоростеня с помощью голубей и воробьев с привязанными горящими трутами. Но для нас, следователей истории, важна не жестокость мести — в X веке это было священным долгом родовой чести. Для нас критически важно то, что Ольга сделала после разгрома древлян.

Павел Андреевич постучал пальцем по нашей берестяной грамоте:

— Ольга оказалась величайшим государственным реформатором Древней Руси! Она поняла: если не изменить систему сбора дани, империю разорвет на части следующая же усобица. В 946–947 годах Ольга объехала русские земли и впервые в нашей истории заменила стихийное полюдые четкой повозной системой. Она ввела два фундаментальных понятия:

УРОКИ — строго фиксированный размер дани. Ни князь, ни его дружина не имели права требовать больше установленной меры;

ПОГОСТЫ — специальные укрепленные пункты, адми-

нистративные центры на местах, куда местное население само свозило дань к назначенному сроку. На погостах сидели княжеские наместники — тиуны, стояли амбары и часовни.

— То есть Ольга превратила грабеж в цивилизованное государственное налогообложение! — восхищенно заключила Соня.

— Именно! Она создала административный скелет Руси. А в 957 году мудрая княгиня отправилась в Константинополь, где приняла крещение под именем Елена, став первой христианской правительницей Руси. Ее крестным отцом стал сам византийский базилевс Константин Багрянородный. Но ее сын Святослав креститься наотрез отказался, заявив матери: «Как мне одному веру переменить? Дружина моя станет надо мной смеяться!»

Акт V. «Иду на вы!»: Степная гроза Святослава Игоревича

Архивист сменил карту. Теперь перед ребятами предстали бескрайние южнорусские степи, Каспийское море, Дон, Волга и Балканы.

— Князь Святослав Игоревич (964–972 гг.) — фигура античной мощи, русский Ахилл раннего Средневековья. Он был воином до мозга костей. Летописец с восхищением пишет, что в походах он не возил с собой обозов, не варил котлов, а тонко нарезал конину или мясо диких зверей и пек на углях; не имел шатра, а спал на конском попоне с седлом

под головой. И перед тем как напасть на врага, он никогда не нападал исподтишка, а посылал гонцов с лаконичным предупреждением: «Иду на вы!».

— За восемь лет княжения он перекроил всю карту Восточной Европы! — воскликнул Миша, сверяясь со стрелками походов.

— Судите сами по масштабам операций, — перечислил Павел Андреевич:

965 год: Святослав наносит смертельный удар Хазарскому каганату. Берет штурмом мощнейшие каменные крепости Саркел (Белая Вежа) на Дону, Итиль в дельте Волги и Семендер на Каспии. Хазарское государство, два века державшее в вассальной зависимости восточных славян, навсегда исчезает с исторической арены;

966 год: Подчиняет вятичей — последнее восточнославянское племя, платившее дань хазарам;

968–969 годы: Сокрушает Дунайскую Болгарию и захватывает Переяславец на Дунае. Святослав настолько влюбился в эти благодатные земли, что заявил матери и боярам: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греции — золото, паволоки, вина и овощи, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси — меха, воск, мед и челядь»;

970–971 годы: Война с колоссальной Византийской империей. Кульминацией стала героическая оборона крепости Доростол на Дунае. Против многократно превосходящей ар-

мии императора Иоанна Цимисхия, закованной в тяжелые латы конницы-катафрактов и огнеметных кораблей с «греческим огнем», Святослав держался три месяца. Перед решающей битвой князь обратился к израненным воинам со словами, вошедшими в века: «Да не посраим земли Русской, но ляжем костями, мертвые бо срама не имут!».

— Но финал его был трагичен, — тихо произнесла Соня.

— Заключив почетный мир с Цимисхием, Святослав с поредевшей дружиной возвращался в Киев на ладьях. Весной 972 года у днепровских порогов его подстерег печенежский хан Куря. Святослав пал в неравном бою. А хан Куря, согласно степному обычаю, приказал оковать череп великого русского воина золотом и сделал из него чашу для вина, вырезав надпись: «Ища чужого, погубил свое». С гибелью Святослава эпоха языческих военных авантур завершилась. Стране требовалось внутреннее устройство.

Акт VI. Великий перелом: Владимир Святославич и цивилизационный выбор 988 года

Павел Андреевич перевернул страницу. На репродукции старинной фрески из Софии Киевской предстал лик князя Владимира — с окладистой бородой, в драгоценной византийской диадеме и плаще-корзне, сжимающего в деснице золотой крест.

— После гибели Святослава между его сыновьями вспыхнула первая в русской истории кровавая междоусобица. Яро-

полк Киевский убил Олега Древлянского. Младший сын, Владимир, княживший в Новгороде, бежал за море к варягам, нанял дружину, вернулся, взял Киев и в 980 году стал единовластным правителем Руси.

Миша поднял палец:

— И первым делом он попытался спасти язычество!

— Верно, Михаил! В том же 980 году Владимир проводит языческую религиозную реформу. Он устанавливает в Киеве на холме подле терема единый общегосударственный пантеон из шести кумиров: во главе — громовержец Перун с серебряной головой и золотыми усами (бог княжеской дружины), а рядом — солнечные боги Хорс и Дажьбог, повелитель ветров Стрибог, крылатый пес-хранитель посевов Семаргл и единственное женское божество плодородия Мокошь. Скотьего бога Велеса поставили отдельно, на Подоле, у торжища. Владимир хотел сплотить племена единым религиозным культом.

— Почему же эта реформа провалилась? — спросила Соня.

— Потому что первобытное язычество не отвечало потребностям развивающегося феодального общества! Язычество оправдывало кровную месть, многоженство, принесение человеческих жертв — вспомните гибель первых русских христианских мучеников Феодора и его сына Иоанна в Киеве в 983 году. Главное: соседние великие державы смотрели на языческую Русь как на диких варваров. Нужна бы-

ла мировая религия, освящавшая государственную власть и открывавшая доступ к великой культуре.

Архивист с улыбкой посмотрел на ребят:

— В летописи есть знаменитый рассказ об «испытании вер» в 986 году. К Владимиру приходили волжские булгары, предлагая ислам; посланцы римского папы с католичеством; хазарские иудеи; и, наконец, византийский философ, изложивший ветхозаветную и новозаветную историю. Владимир отправил послов во все страны. И вернувшись из Константинополя, послы сказали о службе в соборе Святой Софии: «И не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми...»

— Но крещение не было мирной прогулкой, — заметил Миша. — Владимир крестился не на коленях перед греками!

— Ни в коем случае! Владимир оставался грозным политиком. В 988 году он осаждает и берет византийский оплот в Крыму — город Херсонес (Корсунь). И ставит императорам Василию II и Константину VIII ультиматум: он вернет Корсунь и примет крещение только в том случае, если они отдадут за него замуж свою сестру, багрянородную царевну Анну. Для византийских василевсов брак порфирородной принцессы с варваром был неслыханной уступкой, но они были вынуждены согласиться. Владимир крестился в Корсунь, женился на Анне и вернулся в Киев победителем.

Летопись зафиксировала великий перелом 988 года:

«Владимир повелел опрокинуть идола — одних порубить, а других сжечь. Перуна же привязали к хвосту коня и поволокли с горы по Боричеву увозу к Ручью, и приставили двенадцать мужей толкать его шестами... На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, малые дети у берега, а священники совершали молитвы... И была радость великая на небе и на земле о стольких спасаемых душах...»

— Последствия крещения Руси невозможно переоценить, — подвел итог Павел Андреевич. — Загибайте пальцы, молодые сыщики:

Материалы дела: Историческое значение Крещения Руси (988 г.)

Культурный взлет: Появление славянской письменности (кириллицы), созданной святыми Кириллом и Мефодием, открытие первых школ для детей знати, появление летописания;

Архитектурный прорыв: Переход от деревянного зодчества к монументальному каменному строительству из тонкого кирпича-плинфы (Десятинная церковь в Киеве, 989–996 гг.);

Международное признание: Русь вошла в круг христианских цивилизованных государств Европы на правах великой державы;

Нравственная трансформация: Постепенное искоренение

кровной мести, полигамии, человеческих жертвоприношений, возникновение христианской благотворительности и монастырской книжности.

Акт VII. Золотой век Ярослава Мудрого и код «Русской Правды»

Павел Андреевич бережно придвинул к себе нашу берестяную грамоту и положил рядом факсимильный снимок пергаментного свитка Синодального списка «Русской Правды».

— А теперь мы вплотную подходим к содержанию нашей берестяной улики. После смерти Владимира Святого в 1015 году вспыхнула вторая усобица. Святополк Окаянный убил своих братьев Бориса и Глеба (первых русских святых страстотерпцев) и Святослава. Против него с севера выступил новгородский князь Ярослав Владимирович. В тяжелевшей войне, которая длилась 4 года, Ярослав разгромил Святополка и печенегов и в 1019 году окончательно сел на киевском столе, войдя в историю под именем Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.).

— Именно при нем Киев стал соперничать по великолепию с самим Константинополем! — с жаром сказала Соня. — В 1036 году Ярослав наголову разбил орды печенегов под самыми стенами Киева, навсегда сняв эту угрозу, и на месте битвы заложил грандиозный Софийский собор с его знаменитой мозаикой Богоматери «Нерушимая Стена»! А следом

— Золотые ворота с надвратной церковью Благовещения!

— И женился сам и пережил детей на половине королевских домов Европы, — вставил Миша. — Сам взял в жены шведскую принцессу Ингигерду (Ирину), дочь Анну отдал за короля Франции Генриха I, Елизавету — за короля Норвегии Харальда Сурового, Анастасию — за короля Венгрии Андраша I! «Тесть Европы»!

— Верно! — одобрил архивист. — Но главным памятником гению Ярослава Мудрого стал первый писанный свод законов нашего отечества — «РУССКАЯ ПРАВДА». Откроем этот текст. В нем кроется точная разгадка слов на нашей бересте!

Павел Андреевич развернул древний юридический текст: «Убить мужь мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови; аще не будет кто мстыя, то 40 гривен за голову; аще будет русин, либо гридин, либо купчина, либо ябетник, либо мечник, аще изъгой будет, либо словенин, то 40 гривен положите за нь».

— Вдумайтесь! — палец архивиста замер у строки. — «Русская Правда» резко ограничивает круг кровных мстителей только ближайшими родственниками, а при их отсутствии заменяет смерть денежным штрафом в пользу князя — ВИРОЙ! Жизнь свободного мужа оценена в 40 гривен кун. За убийство княжеского чиновника — огнищанина или подъездного — вира удваивалась до 80 гривен. А за просто-

го смерда или холопа штраф был значительно меньше.

— И кто же населял эту страну согласно «Русской Правде»? — спросила Соня.

Павел Андреевич взял мел и на небольшой грифельной доске набросал схему социальной структуры Древней Руси:

Анатомия общества Древней Руси по «Русской Правде»

КНЯЗЬЯ И БОЯРЕ: Правящая верхушка, владельцы наследственных земельных держаний — вотчин (земель, передававшихся от отца к сыну: «отчина»);

ДРУЖИНА: Профессиональное войско, советники князя (старшая дружина — бояре, младшая — гриди, отроки, детские);

ДУХОВЕНСТВО: Черное (монашество) и белое (приходские священники). Центры грамотности и просвещения;

ЛЮДИ: Свободные общинники, лично свободные крестьяне и ремесленники;

СМЕРДЫ: Сельские жители, полузависимые земледельцы, платившие дань князю и несшие повинности;

ЗАКУПЫ: Люди, взявшие у землевладельца ссуду («купу» — зерно, скот, инвентарь) и обязанные отрабатывать долг в его хозяйстве до полной выплаты. Не имели права уйти без согласия господина, иначе превращались в полных холопов;

РЯДОВИЧИ: Люди, заключившие с господином договор («ряд») о найме на определенных условиях;

ХОЛОПЫ (ЧЕЛЯДЬ): Полностью бесправное зависимое

население, фактически рабы. Холопом становились по рождению, в результате пленения, женитьбы на рабе или банкротства без вины.

— Теперь взгляните на текст нашей бересты, — Павел Андреевич вернул лупу Соне. — «...возми у Жирочька шестнадцать векошь... а не вдасть, то поими на немъ поручника...». Ноздря требует долг с Жирочка. Векша (или веверица) — это мельчайшая денежно-счетная единица Древней Руси, соответствовавшая шкурке белки! 1 гривна равнялась примерно нескольким сотням векш! Ноздря действует строго по «Русской Правде»: он требует привлечь поручника — третье лицо, гарантировавшее исполнение обязательств по договору. Это не первобытный мордобой! Это сложнейшие, цивилизованные правовые отношения кредитора, должника и поручителя!»

Акт VIII. Феномен Великого Новгорода: Демократия на болотах

Миша заворуженно перевел взгляд с текста грамоты на план средневекового Новгорода, висевший на стене.

— Павел Андреевич, но почему подавляющее большинство берестяных грамот найдено именно в Новгороде? Разве в Киеве, Чернигове или Владимире люди не умели писать?

— Умели! — живо отозвался историк. — Но природа сыграла с нами удивительную шутку. Берестяные грамоты находят и во Пскове, и в Смоленске, и в Торжке, и в Старой Руссе,

и в Москве, и даже в Звенигороде Галицком. Но в Новгороде сложились уникальные природные условия: мощный, до восьми метров глубиной, влажный культурный слой из глины и торфа, лишенный доступа кислорода. В этой бескислородной среде органические материалы не гниют веками: дерево мостовых, кожа сапог, костяные гребни и тончайшая березовая кора сохраняются в идеальном первозданном виде!

— 26 июля 1951 года археологическая экспедиция профессора Арциховского на Неревском раскопе в Новгороде нашла первую берестяную грамоту, которую держала в руках новгородка Нина Акулова, — напомнила Соня дату, вычитанную в энциклопедии.

— Да! И эта находка произвела эффект разорвавшейся бомбы в мировой науке. До 1951 года западные историки высокомерно утверждали, что Древняя Русь была абсолютно неграмотной страной темных варваров. И вдруг из земли стали извлекать сотни, тысячи грамот! И кто их писал? Не монахи! Писали сапожники, кузнецы, торговцы рыбой, женщины, дети!

Павел Андреевич открыл альбом с репродукциями находок:

— Вспомните знаменитого семилетнего новгородского мальчика Онфима, жившего в первой половине XIII века! Найдено семнадцать его берестяных грамот: мальчик учился писать алфавит, склады по слогам («ба, ва, га...»), а ко-

гда уставал учиться, на полях бересты детской рукой рисовал всадника на коне, пронзающего копьем врага, и подписывал: «Я зверь», а рядом — портрет своего друга с огромными пальцами. Мальчик в XIII веке имел собственные тетрадки из бересты для домашней работы!

— А грамота новгородки Гостяты к Василию? — взволнованно добавила Соня. — Где женщина XII века пишет жалобу родственнику: муж выгнал ее из дома без вины и отнял приданое, и она требует суда и защиты прав! В средневековой Европе женщина вообще не считалась юридическим лицом, а на Руси она сама пишет юридически безупречное письмо на бересте!

— Новгород был уникальной цивилизацией, — продолжал архивист. — В то время как на юге Руси крепла княжеская монархия, в Новгороде в 1136 году произошло восстание: горожане изгнали князя Всеволода Мстиславича за то, что он «не блюдет смердов» и бежал с поля битвы. С этого момента Новгород окончательно утвердился как боярская феодальная республика.

Схема власти Новгородской феодальной республики

ВЕЧЕ: Народное собрание свободных граждан домовладельцев на Торговой или Софийской стороне. Высший орган власти: принимало законы, решало вопросы войны и мира, призывало и изгоняло князя, выбирало высших должностных лиц;

ПОСАДНИК: Глава городского правительства, избирав-

шийся из знатнейших боярских родов. Руководил судом, дипломатией, городским хозяйством;

ТЫСЯЦКИЙ: Предводитель городского ополчения («тысячи»), сборщик налогов, судья по торговым делам;

АРХИЕПИСКОП (ВЛАДЫКА): Глава новгородской церкви. Хранил городскую казну, государственную печать, эталоны мер и весов, возглавлял посольства;

КНЯЗЬ: Наемный военачальник. Вече заключало с ним жесткий договор («ряд»): князю запрещалось покупать земли в новгородских волостях, судить без участия посадника, собирать дань в свою пользу. При нарушении договора вече говорило князю: «Поезжай от нас, княже, куда хочешь!». Резиденция князя находилась за пределами города — на Городище.

Акт IX. Смерть единства: Любечский съезд и последний рубеж Мономах

Павел Андреевич тяжело вздохнул, и тон его рассказа снова изменился — в нем зазвучали тревожные, трагические ноты.

— И все же этот цветущий, грамотный, богатый мир стремительно катился к краю бездны. Почему? Причина крылась в архаичной системе престолонаследия, заложенной еще сыновьями Ярослава Мудрого — Изяславом, Святославом и Всеволодом. Она называлась лествичным (очередным) правом. Престол наследовал не старший сын умершего князя,

а старший в роде — то есть власть переходила от брата к брату, а лишь затем к старшему племяннику. Вся Русь превратилась в гигантскую лестницу княжеских столов: Киев — Чернигов — Переяславль — Смоленск — Новгород... Стоило умереть великому князю в Киеве, как вся эта лестница приходила в движение: десятки князей снимались со своих столов и переезжали в более богатые города, выгоняя младших братьев.

— Хаос, — покачал головой Миша. — Если кто-то из князей умирал раньше отца, его дети навсегда теряли право на княжение и становились князьями-изгоями. А изгоям оставалось только одно — нанимать половцев и мечом отбирать волости у родичей!

— Именно так и вспыхнула затяжная кровавая усабица конца XI века. С востока на Русь обрушилась новая страшная волна степных кочевников — половцы (кипчаки). В 1068 году на реке Альте половцы разгромили войско Ярославичей. И князья вместо того, чтобы единым фронтом бить степь, начали приводить половецкие орды на родные города, сжигая посады и угоняя соплеменников в рабство. Особенно отличился в этом князь Олег Святославич, прозванный в «Слове о полку Игореве» Олегом Гориславичем.

— И тогда великий князь Владимир Всеволодович Мономах попытался остановить братоубийство, — напомнила Соня.

— Да, в 1097 году по инициативе Мономаха князья собра-

лись на знаменитый Любечский съезд. Они целовали крест и провозгласили новый принцип устройства Руси:

«Каждому да держит отчину свою: Святополк — Киев Изяславль, Владимир — Переяславль Всеволож, Олег и Давыд и Ярослав — Чернигов Святославль... И на том целовали крест: если отныне кто на кого пойдет, против того будем все и крест честной».

— Это был меч о двух концах, — заметил учитель. — С одной стороны, Любечский съезд узаконил прекращение усобиц и позволил Мономаху организовать сокрушительные общерусские крестовые походы в глубь половецкой степи (1103, 1109, 1111 годы — знаменитая битва на реке Сальнице). Половцы были отброшены к предгорьям Кавказа! Но с другой стороны — слова «Каждому да держит отчину свою» юридически закрепили начало распада единого государства на самостоятельные удельные княжества!

— А в 1113 году вспыхнуло восстание в Киеве, — добавил Миша.

— Да, после смерти великого князя Святополка Изяславича киевские низы восстали против ростовщиков и произвола администрации. Восставшие разгромили дворы тысяцкого Путяты и еврейских ростовщиков. Перепуганная боярская верхушка призвала на престол авторитетнейшего Владимира Мономаха (1113–1125 гг.). Мономах принял решительные меры: он создал «Устав Владимира Всеволодовича», вошедший в «Пространную Русскую Правду». Этот закон

ограничил аппетиты ростовщиков — запретил брать более 20% годовых по долгам и защитил закупов от произвола помещиков, запретив беспричинно превращать их в холопов. А своим сыновьям он оставил бессмертное «Поучение» — призыв к милосердию, трудолюбию, защите сирот и вдов и сохранению единства родной земли.

Павел Андреевич перелистнул последнюю страницу хроники:

— Сын Мономаха, Мстислав Великий (1125–1132 гг.), еще удерживал железной рукой единство Руси. Но в 1132 году Мстислав скончался. И новгородский летописец с леденящей душу лаконичностью вывел в своей рукописи роковую фразу: «И разидеся вся земля Русская...». Началась эпоха феодальной (политической) раздробленности. Великое Древнерусское государство распалось на полтора десятка самостоятельных княжеств и земель: Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское, Черниговское, Полоцкое, Смоленское, Новгородскую землю... Едиными оставались лишь православная церковь, общий язык и общая историческая память.

Акт X. Вердикт следователей: Шепот сквозь века

В музейном зале воцарилась тишина. Настольная лампа бросала теплый круг света на берестяной свиток, лежавший между Соней и Мишей. За окнами школы давно стемнело, в морозном воздухе медленно кружились редкие снежинки, оседая на темных рамах.

Миша медленно снял очки, посмотрел на свои руки и тихо покачал головой:

— Невероятно. Всего лишь клочок березы. Всего лишь спор из-за шестнадцати векш между Ноздрей и Борисом. А за ним стоит гигантский айсберг. Путь «из варяг в греки», реформы Ольги, пепел Искоростеня, законы Ярослава Мудрого, вечевой колокол Новгорода и трагедия Любечского съезда...

— Так ответьте мне на главный вопрос нашего первого дела, коллеги-следователи, — Павел Андреевич лукаво посмотрел на подростков. — Может ли одна берестяная грамота рассказать, как жила вся Русь?

Соня подняла голову. Ее глаза светились неподдельным восторгом первооткрывателя:

— Может! Потому что эта береста опровергает миф о том, что история — это только летописи князей и даты сражений. Эта грамота доказывает, что тысячу лет назад на Руси жили миллионы грамотных, думающих, свободных людей. Они торговали, любили, ссорились, судились по писаным законам, учили детей грамоте и строили соборы, равных которым не было в мире. Береста — это живой голос народа, который был настоящим фундаментом государства!

— Отличный вердикт, следователь Софья, — торжественно произнес архивист. — Запишите его в протокол дела номер один.

Павел Андреевич подошел к той самой таинственной се-

рой картонной коробке, стоявшей на краю стола. Он бережно взял берестяную грамоту, уложил ее в прозрачный защитный конверт из бескислотного майлара и вернул в первое бархатное углубление.

Затем его пальцы коснулись второго отделения коробки. Там лежала плотная картонная перегородка с надписью: «Дело №2. Пепел на льду».

Архивист приподнял перегородку. Взорам ребят предстал следующий вещественный вещдок.

На темном бархате лежал тяжелый, покрытый толстым слоем черно-зеленой патины железный черешковый наконечник бронебойной стрелы. Его граненое острие было зазубрено от страшного удара о кольчугу или стальной щит, а в желобке металла отчетливо виднелись несмываемые черные следы древнего катастрофического пожара.

Рядом лежал обгоревший костяной кубик с греческими цифрами и крошечный медный образок с ликом святого воина Феодора Стратилата.

— Что это? — шепотом спросил Миша, невольно подавшись вперед.

Павел Андреевич посмотрел на железный наконечник тяжелым, пронзительным взглядом человека, видящего зарево пожара:

— Это, друзья мои, следы катастрофы, расколовшей русскую историю на «до» и «после». Это декабрь 1237 года. Горящие стены Старой Рязани, Евпатий Коловрат, замерз-

шие воды реки Сити и весенний лед Чудского озера 1242 года. Дело о том, как раздробленная, истекающая кровью Русь встретила самую страшную военную машину Средневековья — монгольские тумены Батыя и кованые шеренги крестоносцев. Но об этом — в нашем следующем путешествии.

ГЛАВА 2. СЛЕДЫ НА ПЕПЕЛИЩЕ

Дело второе: Нашествие, меч Александра и возвышение Москвы (1237–1380 годы)

Акт I. Улика из черного пепла: Наконечник из Старой Рязани

Тяжелый железный предмет глухо стукнул о стеклянную чашку весов. В тишине школьного архива этот звук прозвучал резко, словно щелчок взведенного курка. На зеленом сукне стола лежал крупный трехгранный черешковый наконечник стрелы — так называемый бронебойный «срезень». Металл был изъеден глубокими кавернами ржавчины, но на самом острие, застрявшем некогда в сыром дубовом бревне или пластине боевого доспеха, отчетливо чернел окаменевший нагар пожарища.

Рядом с наконечником Павел Андреевич положил фотографию среза археологического раскопа. Соня придвинула настольную лампу: на снимке отчетливо выделялся угольно-черный пласт земли толщиной почти в ладонь. Он лежал между светлыми глиняными наслоениями XII века и редкими кирпичными обломками века четырнадцатого.

— Взгляните на этот стратиграфический разрез, юные сыщики, — негромко произнес архивист. — Это знамени-

тый раскоп на городище Старой Рязани. Видите этот черный пласт? Археологи называют его «горизонтом Батыева погрома». Под этим слоем золы замерла цивилизация. Там находят золотые женские колты с тончайшей перегородчатой эмалью, серебряные наручи, греческие амфоры и костяки людей, лежащие вповалку у церковных порогов. А над этим слоем — пустота на целые десятилетия. Город Старая Рязань так и не возродился. Современная Рязань — это бывший Переяславль-Рязанский, построенный в пятидесяти верстах выше по Оке.

Миша взял пинцетом потемневший наконечник стрелы, разглядывая его массивные грани:

— Значит, этот осколок железа выпущен кочевником Батыей зимой 1237 года? Но ведь луки и стрелы были у всех. Почему мы уверены, что это именно монгольская стрела?

Павел Андреевич достал штангенциркуль и измерил сечение пера:

— Вес — сорок два грамма. Стальной закаленный сердечник, ромбовидная втулка степного типа. Этот наконечник рассчитан на пробивание тяжелого кольчатого доспеха с расстояния в сто пятьдесят шагов при стрельбе из сложного составного монгольского лука силой натяжения свыше пятидесяти килограммов. Но самое главное не в стреле. Посмотрите на вторую улику.

Архивист развернул на подставке факсимильную копию пергаментного листа. Это был список Лаврентьевской лето-

писи, содержащий фрагмент «Повести о разорении Рязани Батыем». Текст был написан киноварью и чернилами, а на полях дрожащей рукой средневекового монаха были выведены слова:

«В лето 6745 (1237)... Приде поганый царь Батый к пределом рязаньским со множеством вои татарских... И обступили город, и бились пять дней непрестанно. И взяли град Рязань месяца декабря в 21 день, и пожгли весь, и людей посекли, и не осталось во граде ни одного живого: все заодно полегли и единую чашу смертную испили... И не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о чадах, ни чад об отце и матери, но все вместе мертвыми лежали...»

Соня подняла глаза от летописного листа. В ее взгляде сквозило глубокое волнение:

— Павел Андреевич, но в нашем списке дел записан поразительный парадокс. В 1237 году страна превратилась в дымящееся пепелище. Города сожжены, ремесла уничтожены, князья платят унижительную дань ханам. А меньше чем через полтора столетия — в сентябре 1380 года на Куликовом поле — русские полки под знаменами московского князя Дмитрия Ивановича разбивают ордынского темника Мамай! Как разоренная, поработенная земля смогла подняться из пепла?

— И самое главное, — добавил Миша, сверившись с заданием нашего расследования, — если на Куликовом поле русские одержали сокрушительную победу, почему эта по-

беда не принесла немедленного освобождения от ордынской зависимости? Почему дань продолжали платить еще целое столетие — вплоть до 1480 года? Кто украл плоды этой великой битвы?

Павел Андреевич с удовлетворением потер ладони:

— Это и есть главная детективная загадка нашего второго дела. Чтобы раскрыть ее, нам придется разобрать не легенды о былинных богатырях, а самый сложный механизм выживания, дипломатии, предательства и железного расчета четырех великих правителей: великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, князя Александра Ярославича Невского, собирателя земель Ивана Калиты и героя Дона Дмитрия Ивановича. Открываем протокол номер два: трагедия зимы 1237–1238 годов.

Акт II. Батыев смерч: Хроника катастрофы (1237–1240 гг.)

Архивист расстелил на столе крупномасштабную карту Восточной Европы первой половины XIII века. На ней красными зигзагами были обозначены маршруты движения конных корпусов — туменов.

— Первое предупреждение прозвучало за четырнадцать лет до пепелища Рязани, — начал рассказ Павел Андреевич. — В 1223 году на реке Калке в приазовских степях передовые тумены полководцев Чингисхана — Субэдэя и Джэбэ — наголову разгромили объединенное войско южнорусских

князей и половцев. Причина поражения была классической для эпохи раздробленности: князья перессорились прямо на поле боя. Мстислав Удатный и Даниил Романович пошли в атаку, не предупредив Мстислава Киевского, а тот заперся в укрепленном лагере на холме и безучастно наблюдал за резней. На Калке погибло девять десятых русского войска и шесть князей. Пленников положили под дубовые доски, на которых монгольские нойоны пировали победу, слушая хруст костей умирающих. Но тогда тумены развернулись и ушли на восток. Русь посчитала это случайным степным набегом и не сделала никаких выводов. Усобицы продолжились с удвоенной яростью.

— А в степях Монголии тем временем созрел план покорения Запада, — продолжил Миша.

— Да. На всемонгольском курултае 1235 года в Каракоруме было принято решение о грандиозном всемонгольском «Западном походе». Во главе войска встал внук Чингисхана — хан Батый (Бату), а его главным военным советником стал престарелый, но гениальный стратег Субэдэй-багатур. Численность монгольской армии историки оценивают от пятидесяти до ста сорока тысяч конников. Это была лучшая военная машина того времени: абсолютная железная дисциплина (за бегство одного воина казнили весь десяток, за бегство десятка — сотню), великолепная конная разведка, использование китайской осадной техники — камнеметов-проковок, огнеметных смесей и стенобитных таранов.

Павел Андреевич опустил латунную указку на реку Воронеж:

Осенью 1237 года монгольские тумены форсировали Волгу и подошли к границам Рязанского княжества. Батый отправил послов с лаконичным требованием: «Дайте нам десятину во всем: в князьях, в людях, в конях и в богатстве». Рязанский князь Юрий Игоревич дал гордый, но безрассудный ответ: «Когда нас не будет, то все ваше будет». Рязань отправила гонцов во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу и в Чернигов с мольбой о немедленной помощи. Но Юрий Всеволодович помощи не дал: он самонадеянно решил, что Рязань истощит силы врага, а свои полки предпочел сберечь для защиты Владимиро-Суздальской земли. Черниговский князь и вовсе цинично ответил: «Рязанцы с нами на Калку не ходили, и мы им помогать не обязаны».

Соня сжала кулаки:

— Политический эгоизм удельных князей погубил страну!

— Именно так. Рязанцы вышли на пограничную битву на реку Воронеж и погибли там почти целиком. 16 декабря монголы осадили Рязань. Пять дней горожане отбивали непрерывные штурмы. У Батыя отряды сменяли друг друга круглосуточно, не давая защитникам сомкнуть глаз. 21 декабря 1237 года стенобитные орудия пробили деревянные заборы. Город пал. Была вырезана вся княжеская семья. А следом из Черниговской земли с небольшой дружиной в тысячу семь-

сот воинов прискакал рязанский боярин Евпатий Коловрат. Увидев родной город в руинах, он бросился в погоню за Батыем и навязал монгольскому арьергарду беспощадный партизанский бой. Монголы смогли одолеть богатыря Коловрата, лишь окружив его камнеметными орудиями. Пораженный его доблестью, Батый отдал тело героя уцелевшим русским воинам и отпустил их с миром.

Архивист провел указкой дальше на север:

— Январь 1238 года: ожесточенная битва под Коломной, где пал сын Чингисхана Кулькан. Взятие маленькой деревянной Москвы, которую пять дней оборонял княжич Владимир Юрьевич и воевода Филипп Нянка. А в феврале 1238 года тумены подошли к столице Северо-Восточной Руси — белокаменному Владимиру на Клязьме.

Великий князь Юрий Всеволодович (1212–1238 гг.) совершил стратегический маневр: оставив семью и гарнизон оборонять Владимир, он ушел на север, в ярославские леса на реку Сить, чтобы собрать полки своих братьев и дать генеральное сражение. Владимир пал за четыре дня. Монголы подожгли великолепный Успенский собор, в хорах которого задохнулась от дыма вся великокняжеская семья — жена князя Агафия, дочери, снохи и епископ Митрофан. Следом за несколько недель были сожжены четырнадцать городов: Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Тверь, Дмитров...

Кульминация зимней кампании наступила 4 марта 1238

года на реке Сити. Юрий Всеволодович ждал полков своего брата Ярослава Новгородского. Монгольский авангард под командованием темника Бурундая подошел скрытно сквозь заснеженные лесные чащи и внезапно атаковал русский лагерь. Произошла страшная сеча. Русские полки были смяты и уничтожены. Сам великий князь Юрий Всеволодович погиб в бою; его обезглавленное тело епископ Кирилл нашел среди тысяч павших лишь по княжеским сапогам.

Миша взгляделся в карту:

— Но до Новгорода Батый так и не дошел?

— До Новгорода оставалось всего сто верст у урочища Игнач Крест. Преградой на пути Батыея стал маленький купеческий Торжок, державший героическую осаду две недели! Когда Торжок пал, началась весенняя распутица: реки вскрылись, болота Новгородчины растаяли, кони монголов тонули в грязи и не имели подножного корма. Батый повернул войско на юг, в степи. И на этом обратном пути на целых семь недель застрял под стенами крошечного городка Козельска! Князю Василию Козельскому было всего двенадцать лет. Жители решили: «Хоть князь наш мал, положим жизнь за него!». Козельцы перебили четыре тысячи монголов, совершали дерзкие ночные вылазки и погибли все до единого. Разъяренный Батый повелел стереть город с лица земли и назвал его «Злым городом».

— А через два года наступила очередь Южной Руси, — тихо добавила Соня.

— Осенью 1240 года тумены Батыея осадили и штурмом взяли Киев. Обороной руководил тысяцкий Даниила Галицкого — воевода Дмитр. Город с его древними храмами и Золотыми воротами был превращен в развалины. Проезжавший через Киев шесть лет спустя папский посол Плано Карпини писал, что в некогда великом городе уцелело едва ли двести домов, а в полях вокруг белели тысячи непогребенных человеческих черепов. Русь была повержена в прах.

Материалы расследования: Цена Батыева нашествия

Из 74 известных по раскопкам городов Руси XIII века 49 были разрушены Батыем; 14 из них так и не возродились никогда;

Каменное строительство на Руси полностью прекратилось на пятьдесят лет (исчезли кадры мастеров-камнерезов и архитекторов);

Навсегда исчезли сложнейшие ремесленные технологии: перегородчатая эмаль, чернь по серебру, зернь, скань, производство стеклянных браслетов;

Резкий демографический провал и отток выжившего населения с открытого лесостепного юга в глухие, защищенные лесами северо-восточные районы — междуречье Оки и Волги (Ополье, Залесье).

Акт III. Механизм ига: Ярлыки, баскаки и ордынский выход

Павел Андреевич положил на стол лист пергамента с ши-

роким арабским и монгольским письмом. Сверху стоял оттиск красной ханской печати.

— Выжившие русские земли не вошли в состав Монгольской империи напрямую, — объяснил архивист. — В степях Нижней Волги Батый основал свое государство — Улус Джучи, вошедший в историю как Золотая Орда со столицей в городе Сарай-Бату (близ современной Астрахани). Между Русью и Ордой установилась сложнейшая система вассальной зависимости, которую историки называют ордынским игом (1240–1480 гг.). В чем же заключалась суть этой зависимости? Она держалась на трех стальных обручах.

Архивист перечислил три главных инструмента ордынского контроля:

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ (СИСТЕМА ЯРЛЫКОВ): Русские князья лишились суверенного права занимать свои престолы по праву наследования. Чтобы стать князем, нужно было ехать в Орду, унижаться, ползти на коленях между двумя священными очистительными кострами, целовать сапог хана и получать от него золотую грамоту — **ЯРЛЫК** на княжение. Самым желанным был ярлык на Великое княжение Владимирское: князь, обладавший им, считался старейшим среди всех русских правителей и получал право владеть богатыми владимирскими волостями. Ханы искусно стравливали русских князей между собой, сталкивая лбами тверских, московских, суздальских и рязанских владык. За отказ повиноваться князя ждала мучительная казнь

в Орде — так погибли Михаил Черниговский, Михаил Тверской и многие другие;

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ (ОРДЫНСКИЙ ВЫХОД): Ежегодная тяжелейшая дань серебром, пушниной и скотом, которую земля выплачивала завоевателям. От дани освобождалась только Русская православная церковь — ханы Чингизиды следовали Великой Ясе Чингисхана, предписывавшей уважать всех жрецов и шаманов, и выдавали митрополитам льготные тарханские грамоты, чтобы церковь молилась за здоровье хана;

ВОЕННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ: Русские князья были обязаны по первому требованию хана поставлять воинские контингенты для участия в монгольских походах на Кавказ, в Иран или Китай. Кроме того, за малейшее неповиновение на Русь отправлялись карательные экспедиции — рати (Неврюева рать, Дюденева рать, Ахмылова рать), сжигавшие целые волости дотла.

— А кто собирал дань в первое время? — спросила Соня.

— В 1257–1259 годах монгольские чиновники — численники — провели на Руси тотальную перепись населения, чтобы обложить налогом каждого жителя, кроме духовенства. Для сбора выхода и военно-полицейского надзора на Русь были назначены наместники хана — БАСКАКИ с вооруженными отрядами. Главным был «великий баскак владимирский». Присутствие баскаков вызывало яростную ненависть: в 1262 году по городам Ростову, Суздалю, Влади-

миру, Ярославлю прокатилась волна мощных народных восстаний, в ходе которых баскаки и сборщики дани были перебиты. И тогда ханы пошли на вынужденную уступку: право сбора дани было передано самим русским князьям. И тот, кто держал в руках сбор ордынского выхода, получал в руки колоссальный рычаг власти.

Акт IV. Выбор Александра Невского: Крест против меча

Миша подошел к стенду, где висела репродукция знаменитого триптиха Павла Корина: благоверный князь Александр Невский в кольчуге и алом плаще, опершись обеими руками на рукоять меча, смотрит вдаль тяжелым, непреклонным взглядом.

— В самые черные годы Батыева погрома, когда Южная и Северо-Восточная Русь лежали в пепле, на северо-западных рубежах развернулась совершенно другая война, — заговорил Миша. — Молодой новгородский князь Александр Ярославич (1221–1263 гг.), сын великого князя Ярослава Всеволодовича, оказался зажат между молотом и наковальней. Почему он пошел на поклон в Орду к Батю, но насмерть встал против западных рыцарей?

Павел Андреевич одобрительно кивнул:

— Это ключевой узел всей нашей средневековой истории! Смотрите: пока Русь истекала кровью, шведские феодалы и немецкие рыцари-крестоносцы духовно-рыцарских орденов — Ордена меченосцев и Тевтонского ордена (объеди-

нившихся в 1237 году в Ливонский орден) — при поддержке римского папы Григория IX решили воспользоваться слабостью русских земель. Их целью был не просто сбор дани, как у монголов. Их целью было религиозное и культурное поглощение: насильственное обращение православного населения в католичество, уничтожение национальной самобытности и превращение русских людей в крепостных холопов немецких баронов.

Архивист восстановил ход двух великих сражений юного князя:

1. Невская битва (15 июля 1240 года)

Летом 1240 года шведская флотилия под командованием зятя короля ярла Биргера на ста парусно-гребных шнеках вошла в устье Невы и притока Ижоры. Шведы прислали Александру надменное послание: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою». Александру было всего девятнадцать лет! Не дожидаясь сбора новгородского ополчения и помощи от отца из Владимира, князь с малой дружиной и ладожанами стремительно выступил в поход. Перед выходом в Софийском соборе он произнес слова, ставшие девизом русской стойкости: «Не в силе Бог, но в правде!».

Используя фактор внезапности и густой утренний туман, русский отряд атаковал лагерь шведов. Летопись сохранила имена героев: новгородец Сбыслав Якунович бился топором в самой гуще схватки; дружинник Гаврило Олексич на коне

ворвался по сходням на шведский корабль, был сброшен в воду, выплыл и снова бросился в бой, сразив епископа; отрок Сава подрубил столб златоверхого шатра ярла Биргера; новгородец Миша пешим строем потопил три шведских судна. Сам князь Александр копьем возложил печать на лицо шведского предводителя Биргера. Разгром врага был полным. За эту блестящую победу девятнадцатилетний полководец навсегда получил в народной памяти почетное прозвание — Невский.

2. Ледовое побоище (5 апреля 1242 года)

Зимой 1240–1241 годов ливонские рыцари захватили Изборск, Псков и заложили крепость Копорье в тридцати верстах от Финского залива. Новгородские бояре, испугавшись растущего авторитета Александра, зимой 1240 года выставили его из города! Но когда рыцари подошли на расстояние дневного перехода, вече взмолилось о помощи. Александр вернулся, штурмом освободил Псков, перебил немецкий гарнизон и двинулся навстречу главным силам Ордена.

Битва произошла утром 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера у острова Вороний Камень. Ливонцы построились своим излюбленным таранящим строем — клином, который русские называли «свиньей» или «железным полком». Впереди и по бокам стояла закованная в железо конница, внутри — тяжеловооруженная пехота кнехтов. Александр разгадал тактику врага и применил гениальное построение: он сознательно ослабил центр — передовой полк из опол-

ченцев, а отборные дружины с конницей спрятали на мощных флангах («крылах»), уперев тыл строя в заснеженный крутой берег.

Немецкий клин пробил русский центр («прошибся свиной сквозь полк»), но уперся в берег и потерял маневренность. И тогда с флангов на рыцарей обрушились русские полки правой и левой руки. Началась яростная рукопашная рубка. Весенний озерный лед под весом сотен тяжеловооруженных рыцарей и коней стал трескаться. Ливонцы смешались, побежали, и русская конница гнала их по льду семь верст до Суболицкого берега. Орден запросил мира и навсегда отказался от претензий на псковские и новгородские земли.

Соня внимательно посмотрела на карту Монгольской империи, простиравшейся до Китая:

— Но почему же тогда Александр Невский не обнажил меч против Батыя? Ведь его младший брат Андрей Ярославич поднял антиордынское восстание в 1252 году!

— В этом и проявилась величайшая государственная мудрость Александра Ярославича, — вздохнул архивист. — Александр был трезвым реалистом. Он понимал: силы абсолютно неравны. Восстание Андрея окончилось катастрофой — карательная Неврюева рать разгромила его войска, сожгла Переяславль и увела в плен тысячи людей. Воевать одновременно на два фронта — против Запада и против Востока — обескровленная Русь физически не могла. При этом монго-

лы не покушались на православную веру и душу народа — им нужны были только деньги, материальная дань. А крестоносцы несли уничтожение веры и духовное рабство.

Александр четырежды ездил на поклон в Орду и в далекий Каракорум. Он терпел унижения, вымаливал пощаду для восставших городов, предотвратил участие русских воинов в монгольском походе на Иран. Возвращаясь из четвертой тяжелейшей поездки в Орду, измученный князь тяжело заболел и скончался в Городце на Волге 14 ноября 1263 года, приняв перед смертью схиму под именем Алексей. Узнав о его кончине во Владимире, митрополит Кирилл со слезами воскликнул в храме: «Чада моя милая, разумеите, яко заиде солнце земли Суздальской!».

Акт V. «Тишина великая»: Иван Калита и московский феномен

Павел Андреевич достал из коробки третью улику — небольшую серебряную монету неправильной формы с изображением всадника и арабской вязью на обороте, а рядом — маленький кожаный кошелек с бронзовой пряжкой.

— Перенесемся в начало XIV века, — заговорил учитель. — На Северо-Востоке Руси разгорается новая бешеная схватка за ханский ярлык на великое княжение Владимирское. Главными соперниками стали два молодых города, почти не пострадавших от домонгольских усобиц: богатая, многолюдная Тверь на верхней Волге и скромная, маленькая

Москва на реке Москве.

Миша удивленно посмотрел на карту:

— Но ведь Тверь была старше, богаче и стояла на великом волжском торговом пути! Почему же центром объединения Руси стала Москва, основанная Юрием Долгоруким как пограничная крепость всего лишь в 1147 году?

— Москва обладала уникальным комплексом преимуществ, — объяснил архивист. — Записывайте в протокол, сыщики:

Причины возвышения Москвы в XIV веке

Выгоднейшее географическое положение: Москва находилась в самом центре русских земель, будучи со всех сторон прикрыта от внезапных ордынских и литовских набегов густыми лесами и буферными княжествами (Рязанским, Нижегородским, Смоленским);

Перекресток торговых путей: Москва-река связывала бассейн Волги с бассейном Оки. Через нее шли купеческие караваны с хлебом с юга на север и с пушниной с севера на юг;

Приток населения: Крестьяне и ремесленники со всей разоренной Руси бежали в безопасные московские леса, увеличивая число налогоплательщиков и ополченцев;

Гибкая, прагматичная политика московских князей: Потомки младшего сына Александра Невского — Даниила Александровича Московского (1276–1303 гг.) — не лезли в авантюры, а методично, рубль за рублем, скупали земли и поддерживали теснейшие связи с Золотой Ордой.

— И символом этой политики стал князь Иван I Данилович Калита (1325–1340 гг.)! — воскликнула Соня. — Прозванный «Калитой» за то, что всегда носил на поясе большой кожаный мешок с деньгами и раздавал милостыню нищим, а золотом покупал села и ярлыки!

— Решающий перелом произошел в 1327 году в Твери, — продолжил архивист. — Туда прибыл ханский посол Чолхан (Щелкан) со свитой и начал чинить страшные грабежи и насилия. Терпение тверичей лопнуло, когда татары попытались отнять кобылицу у дьякона Дудко. Ударил вечевой колокол. Восставшие тверичи сожгли Щелкана и весь его отряд в княжеском дворце. Тверской князь Александр Михайлович не решился выступить против своего народа. И тогда Иван Калита немедленно помчался в Орду к хану Узбеку. Хан дал Калите пятьдесят тысяч конников (Федорчукову рать). Иван Калита вместе с татарами жестоко разгромил и разорил Тверь, навсегда сломав хребет главному конкуренту Москвы!

Миша поморщился:

— Жестокий, беспринципный поступок...

— Безусловно, с точки зрения христианской морали. Но с точки зрения спасения государственности это был гениальный расчет! В награду за разгром Твери хан Узбек отдал Калите ярлык на великое княжение Владимирское и — внимание, главная улика! — право единоличного сбора ордынского выхода со всех русских земель!

Павел Андреевич поднял палец:

— Получив в свои руки казну, Калита часть дани отправлял хану, заваливая его жен и мурз роскошными подарками, а значительную часть оставлял в Москве! На эти скрытые ордынские деньги он без единого выстрела скупал целые уделы: Галич, Углич, Белоозеро. Но самое главное: хан Узбек поверил Калите и перестал посылать на Русь карательные рати. Летописец восторженно записал: «И бысть оттоле тишина великая на сорок лет по всей Русской земле, и перестали татары воевать землю Русскую... и отдохнула земля от истомы великия». За эти сорок «тихих лет» выросло целое новое поколение русских людей, которое никогда не видело горящих сел и перестало панически бояться степняков!

— А еще Калита переманил в Москву церковь! — вспомнила Соня.

— Величайшая победа! В 1325–1326 годах святой митрополит Петр перенес свою резиденцию из Владимира в Москву. В Кремле был заложен первый белокаменный Успенский собор. Москва стала не просто столицей сильного княжества — она стала духовным центром всей Руси. Тот, кто владел Москвой, владел благословением церкви.

Акт VI. Гроза над Вожей: Поколение непокоренных

Архивист сменил карту. На ней границы Московского княжества выросли в несколько раз. В центре сиял белокаменный Московский Кремль, возведенный юным князем

Дмитрием Ивановичем в рекордные сроки — всего за один год (1367 г.) после страшного пожара Всесвятского. Это была единственная каменная крепость на всей Северо-Восточной Руси, выдержавшая две осады грозного литовского князя Ольгерда.

— К 1370-м годам ситуация в Золотой Орде изменилась кардинально, — начал новый виток повествования Павел Андреевич. — Началась так называемая «великая замятня» (1359–1380 гг.) — междоусобица, в ходе которой за двадцать лет на ордынском престоле сменилось более двадцати ханов! Фактическую власть в западной части Орды захватил могущественный темник Мамай. Но Мамай не был Чингизидом (потомком Чингисхана) и не имел законных прав на ханский титул, оставаясь лишь беклярбеком при марионеточных ханах.

— А на московском столе сидел внук Ивана Калиты — князь Дмитрий Иванович (1359–1389 гг.)! — подхватил Миша. — Князь, который с детства дышал воздухом побед!

— В 1374 году Дмитрий Иванович совершил неслыханную дерзость: он открыто разорвал отношения с Мамаем и прекратил выплату ордынского выхода! Это было объявление войны. Мамай отправил на Русь карательный корпус во главе с опытным мурзой Бегичем. И вот здесь произошла генеральная репетиция Куликова поля.

Павел Андреевич обвел кружком приток Оки — реку Вожу в Рязанской земле:

— 11 августа 1378 года состоялась битва на реке Воже. Дмитрий Иванович не стал отсиживаться за стенами крепости, а впервые вывел русские полки в чистое поле навстречу татарам! Князь занял господствующий холм за рекой. Когда татары начали переправу, русские ударили с трех сторон: в центре стоял сам Дмитрий, на правом фланге — тимофей Вельяминов, на левом — князь Данила Пронский. Татарская конница была опрокинута в реку и наголову разгромлена; мурза Бегич и четверо татарских князей пали в бою. Это была первая победа русских войск над регулярной ордынской армией в полевом сражении! Миф о непобедимости Орды рухнул окончательно.

Акт VII. Куликовская битва: Утро тумана и крови (8 сентября 1380 года)

Павел Андреевич выложил на стол детальную топографическую карту междуречья Дона и Непрядвы, густо усеянную оврагами и балками.

— Разгром на Воже взбесил Мамая. Он понимал: если не сломить Москву сейчас, Орда потеряет Русь навсегда. Летом 1380 года Мамай собирает колоссальную армию — до ста тысяч воинов. Помимо ордынских туменов, он нанял тяжело-вооруженную генуэзскую пехоту из Крыма, черкесов, ясов. Мамай заключил военный союз с великим князем литовским Ягайло и рязанским князем Олегом Ивановичем, который вел сложную двойную игру, пытаясь спасти свою землю от

очередного разорения. План Мамай был прост: соединиться с литовцами и рязанцами на южном берегу Оки 14 сентября и объединенными силами стереть Москву с лица земли.

— Но Дмитрий разгадал замысел врага! — воскликнула Соня.

— Дмитрий действовал со сверхъестественной энергией. Местом общего сбора русских полков была назначена Коломна на реке Оке. Под знамена московского князя пришли полки из Владимира, Суздаля, Переяславля, Ростова, Ярославля, Белоозера, Муром, Серпухова, а также православные князья из литовских земель — братья Ольгердовичи Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский со своими дружинами! Новгород прислал своих ратников. Впервые под единым командованием собралась общерусская армия численностью до шестидесяти тысяч бойцов! Историк Лев Гумилев гениально сформулировал суть этого момента: «На поле Куликово пошли рати москвичей, владимирцев, суздальцев и ярославцев, а вернулась рать русских людей!».

Миша показал на карту:

— А перед выходом князь отправился в Троицкий монастырь к преподобному Сергию Радонежскому!

— Да, это был величайший духовный акт. Преподобный Сергей — духовный отец всей поднимающейся Руси — благословил князя Дмитрия на смертный бой, предрек победу и отправил с войском двух монахов-богатырей, бывших бояр — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, заменив им

монашеские схимы боевыми доспехами.

Архивист перешел к поминутному анализу сражения:

— В ночь на 8 сентября 1380 года (праздник Рождества Богородицы) русское войско переправилось через Дон у впадения реки Непрядвы. И Дмитрий Иванович отдал приказ, ошеломивший воевод: сжечь за собой мосты через Дон!

Соня охнула:

— Почему? Отрезать путь к отступлению?

— Именно! Либо победа, либо смерть на дне реки. Кроме того, сожжение мостов прикрывало тыл от внезапного удара шедшего на помощь Мамаю литовского войска князя Ягайло, стоявшего всего в сорока верстах! Дмитрий сам выбрал поле боя — узкое пространство (не более двух-трех верст шириной) между оврагами и реками, поросшее перелесками. На этом пятачке стотысячная конная лавина Мамая не могла использовать свое главное преимущество — широкий фланговый охват!

Павел Андреевич начертил боевой порядок:

Боевое построение русской рати на Куликовом поле

СТОРОЖЕВОЙ ПОЛК: Легкая конница впереди для завязки боя;

ПЕРЕДОВОЙ ПОЛК: Принял на себя первый самоубийственный таран тяжелой генуэзской пехоты;

БОЛЬШОЙ ПОЛК: Монолитное пешее и конное ядро центра под знаменем Дмитрия. Сам князь надел доспехи простого ратника и встал в первые ряды биться как простой

воин, а свои княжеские доспехи и коня отдал любимому боярину Михаилу Бренку (павшему под княжеским стягом);

ПОЛК ПРАВОЙ РУКИ И ПОЛК ЛЕВОЙ РУКИ: Прикрывали фланги, упираясь в непроходимые овраги и лесные крепи;

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК: Отборная конница во главе с двоюродным братом князя Владимиром Андреевичем Серпуховским и опытным волынским воеводой Дмитрием Бобром-Волынским, укрытая в густой Зеленой Дубраве за левым флангом.

— Утро 8 сентября выдалось туманным. До трех часов дня туман стоял такой плотный, что воины не видели друг друга на расстоянии десяти шагов. Когда туман рассеялся, полки сошлись. По древнему обычаю бой начался с поединка богатырей: ордынский гигант Челубей выехал против схимонаха Александра Пересвета. Они сшиблись на полном скаку на копьях — копья переломились, и оба всадника пали замертво, но конь Пересвета довез мертвого героя до русских рядов, показав знак победы!

И началась страшная сеча. Летописи пишут: «Кони не могли ступать по трупам, земля стонала от крови, мечи тупились, а стрелы падали дождем». Передовой полк погиб почти целиком. Большой полк гнулся, но стоял. Тогда Мамай бросил свой главный резерв на Полк Левой Руки. К полудню левый фланг не выдержал, был смят и покатился назад к реке Непрядве. Ордынцы торжествовали, заходя в тыл русскому

Большому полку!

Миша затаил дыхание:

— И настал час Засадного полка?

— Князь Владимир Серпуховский рвался в бой, видя гибель родичей, но мудрый Боброк держал поводья его коня. «Погоди еще, княже, не пришел наш час!». И только тогда, когда уставшая ордынская конница подставила свои незащищенные тылы, а ветер переменился и подул в спину русским, Боброк выхватил меч: «Час пришел! Дерзайте, братья!».

Свежая конница Засадного полка с диким гиком вылетела из Зеленой Дубравы. Для татар это был смертельный шок: они решили, что встали мертвецы! Началась паника. Ордынские тумены смешались, побежали, бросая оружие. Русские гнали Мамая сорок верст до реки Красивая Меча, захватив всю ханскую ставку, казну и обозы. Мамай бежал в Кафу (Феодосию), где был убит своими же союзниками-генуэзцами. Князя Дмитрия после боя долго искали среди тысяч тел и нашли без сознания под срубленной березой — его доспехи были изрублены, но сам он чудом остался жив. За эту победу народ навеки нарек его Дмитрием Донским, а его кузена — Владимиром Храбрым.

Акт VIII. Разгадка детективного парадокса: Трагедия 1382 года

Соня придвинула к себе копию летописи и посмотрела на Павла Андреевича в упор:

— Но теперь мы возвращаемся к главному вопросу наше-

го расследования! Мамай разбит. Войско Орды уничтожено. Почему же Куликовская битва не привела к свержению ига? Почему всего через два года — в 1382 году — новый хан Тохтамыш подошел к Москве, сжег город и заставил Дмитрия Донского снова платить дань?!

Павел Андреевич снял очки и устало потер переносицу:

— В этом кроется глубочайшая правда истории, свободная от пропагандистского глянца. Ответ следователя состоит из трех железобетонных фактов:

Ужасающая демографическая цена победы: На Куликовом поле легла лучшая, профессиональная часть русской армии — князья, опытные дружинники, бояре. Дмитрий Донской хоронил павших восемь дней. Страна была физически обескровлена. Когда в 1382 году законный Чингизид хан Тохтамыш, объединивший Орду после гибели Мамай, пришел с огромным свежим войском на Москву, Дмитрию просто нечем было воевать! Князь уехал на север собирать полки;

Предательство удельных князей: Тохтамыш подошел к Москве. Обороной руководил молодой литовский князь Остей. Москвичи отбили все штурмы, поливая врага кипящей смолой и впервые стреляя из кованых пушек-тюфяков. И тогда сыновья суздальского князя Дмитрия Константиновича (шурья самого Дмитрия Донского!) — Василий и Семен — целовали крест москвичам, уверяя, что Тохтамыш не причинит зла, а лишь хочет посмотреть город. Москвичи от-

крыли ворота. Татары ворвались внутрь, вырезали двадцать четыре тысячи горожан и сожгли деревянную Москву дотла;

Легитимность власти: Мамай был мятежником, узурпатором, не имевшим царской крови. Против него русские шли как против разбойника. А Тохтамыш был законным «царем» — прямым потомком Чингисхана. Феодалное правосознание XIV века еще не могло полностью отказаться от покорности законному монарху степи. Выплата дани была возобновлена.

Миша разочарованно опустил плечи:

— Выходит, жертва тысяч воинов на поле Куликовом была напрасной?

— Ни в коем случае! — твердо произнес архивист, и глаза его сверкнули. — Это главный урок нашего дела! Куликовская битва изменила самое главное — душу нации. Был сломан вековой парализующий страх перед степью. Орда поняла, что восстановить прежнее слепое повиновение Руси уже невозможно. Но самое поразительное произошло в 1389 году, когда умирал тридцатидевятилетний Дмитрий Донской.

Павел Андреевич открыл текст знаменитой духовной грамоты (завещания) Дмитрия Донского:

«А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княжением Владимирским...»

— Вчитайтесь в эти строки! — воскликнул старик. — Дмитрий Донской передал Великое княжение Владимирское своему сыну Василию I как свою наследственную вотчину,

не спрашивая разрешения хана и не дожидаясь ханского ярлыка! Владимирское княжество навсегда слилось с Московским. Орда была вынуждена молча проглотить это. Москва бесповоротно стала общерусским центром, сердцем грядущего единого суверенного Российского государства!

Акт IX. Протокол закрытия дела №2 и новая улика

В тишине архива Соня аккуратно записала в протокол расследования итоговый вердикт:

Итоговое заключение по делу №2 (1237–1380 гг.)

ВЕРДИКТ: Батыево нашествие 1237–1240 гг. отбросило развитие страны на десятилетия, разорвав торговые связи и уничтожив города. Однако в условиях ордынского ига прагматичная политика московских князей превратила Москву в экономический и духовный центр сопротивления. Победа Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 году не уничтожила выплату дани юридически из-за страшных потерь и набега Тохтамыша 1382 г., но ликвидировала монополию Орды на власть, сделав Москву бесспорной столицей формирующегося национального государства.

Павел Андреевич бережно уложил наконецник бронебойной стрелы в прозрачный футляр второго отделения серой коробки. Затем его рука скользнула к третьему отсеку архивного ящика.

На дне лежала тяжелая, темная от времени круглая свинцовая пластина размером с ладонь взрослого человека. По ее

окружности шел сложный византийский орнамент, а в центре отчетливо виднелся рельеф: двуглавый орел с коронами на головах, сжимающий в когтях скипетр и державу, а на его груди — щит со всадником, поражающим копьём дракона.

Рядом лежал серебряный грош с профилем государя в шапке Мономаха и надписью: «Иван, Божиею милостию государь всея Руси».

— Дело номер три, — произнес архивист, и голос его наполнился торжественным эхом грядущих великих свершений. — Эпоха, когда зародилось слово «РОССИЯ». Время Ивана III Великого, падение византийского Царьграда, женитьба на царевне Софье Палеолог, свержение ордынского ига на реке Угре в 1280 году и рождение единого Судебника. Но об этом — в нашем следующем расследовании».

ГЛАВА 3. ПЕЧАТЬ, КОТОРАЯ СОБИРАЛА ЗЕМЛИ

Дело третье. От Куликова поля до рождения Российского царства — 1380–1547 годы

Протокол открытия дела

Печать нашли не в земле и не в витрине музея. Она лежала в пятом отсеке серой коробки, которую неизвестный оставил в школьном музее, словно подбросил следователям вызов. На темно-зелёном воске проступал двуглавый орёл. Одна голова смотрела на запад, другая — на восток. На обороте всадник пронзал копьём змея.

Соня осторожно наклонилась над находкой. Миша, обычно готовый первым усомниться в любой тайне, на этот раз молчал.

— Это печать Ивана III? — спросила Соня.

Павел Андреевич не сразу ответил. Он снял очки, протёр стёкла и только потом сказал:

— Вероятно, копия подлинного оттиска. Но даже копия может стать уликой. Она задаёт вопрос: как московские князья собрали вокруг своего города многие русские земли? И что оказалось важнее — победы, законы, торговля или умение ждать?

— Если ответ — «всё сразу», это будет слишком просто, — заметил Миша.

— Тогда расследуйте, — сказал архивист. — История не обязана давать короткие ответы.

Он разложил на столе три предмета: печать, копию Судебника 1497 года и карту торговых путей. На полях карты были отмечены города, реки, переправы и княжеские границы. Красная линия тянулась от Москвы к Новгороду, другая — к Твери, третья уходила на юг, к Угре.

— Период нашего дела — почти сто семьдесят лет, — продолжил Павел Андреевич. — В нём уместились наследие Куликовской битвы, борьба за великое княжение, возвышение Москвы, прекращение зависимости от Орды, подчинение Новгорода и Твери, появление единого закона и превращение великого княжества в царство. Но не представьте себе этот путь как ровную дорогу. Он больше похож на зимнюю переправу: лёд трещит, течение тянет в сторону, а на другом берегу неизвестно, что ждёт.

— Значит, начнём с того, что осталось после Куликова поля, — решила Соня.

— Верно. Первая улика — завешание Дмитрия Донского. Вторая — ханский ярлык. Третья — закон, который ограничил крестьянский переход. А четвёртая — сама карта. Посмотрим, какая из них говорит громче.

Акт I. Победа, которая не закончила войну

На карте 1380 года Русь ещё не была единым государ-

ством. Княжества сохраняли собственных правителей, войска и интересы. Их объединяли язык, православная вера, общая память о прежней Руси — и необходимость считаться с Золотой Ордой. После Куликовской битвы князь Дмитрий Иванович получил прозвание Донской, но победа не уничтожила ордынскую власть.

— Мы уже говорили о Мамае, — сказал Миша. — Но он ведь не был ханом из рода Чингисхана.

— Именно. Мамай был могущественным военачальником и фактическим правителем западной части Орды, однако не принадлежал к чингизидам. После поражения Мамай хан Тохтамыш объединил значительную часть Орды. В 1382 году его войско подошло к Москве.

Дмитрий Донской собирал силы в северных землях, а обороной столицы руководили другие люди. По летописному рассказу, послы Тохтамыша обещали не причинять городу вреда, если москвичи откроют ворота. Горожане поверили — и были обмануты. Войско хана ворвалось в Москву, город был разграблен и сожжён.

Соня нахмурилась:

— Получается, после Куликова Русь всё ещё не могла защитить даже столицу?

— Победа на поле боя не отменяет демографических потерь, не создаёт запасов продовольствия и не делает армию бесконечной, — ответил Павел Андреевич. — После сражения 1380 года погибли многие опытные воины и князья.

Княжество было истощено. Тохтамыш располагал свежими силами и использовал и военное давление, и обман. Поэтому Дмитрий Донской признал зависимость и возобновил выплату выхода — дани Орде.

Архивист положил рядом два листа: на одном — схема Куликовской битвы, на другом — план Москвы после пожара.

— Вот первое важное различие, — сказал он. — Куликовская битва изменила представление о возможном: ордынское войско можно победить. Но она не упразднила систему зависимости. Для этого требовались время, силы, политическая устойчивость и союзники.

— Значит, в нашем деле победа — не финал, а улика, — сказала Соня.

— Именно. Иногда победа лишь доказывает, что перемены возможны.

Проверка источника: что говорят летописи

Павел Андреевич объяснил, что описания Куликовской битвы сохранились в нескольких памятниках письменности: летописных рассказах, «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». Они создавались в разное время и по-разному передавали события. Поэтому историки сопоставляют их, изучают язык текстов и сравнивают повествования с археологическими данными.

— А разве летописец не видел битву своими глазами? — спросил Миша.

— Иногда видел, иногда записывал рассказы очевидцев, а иногда переписывал более ранний текст. Летопись — важное свидетельство, но это не видеозапись. Автор мог выделять одни события и умалчивать о других. Поэтому надёжное расследование всегда опирается на несколько источников.

Улика № 1. Куликовское поле

Куликовская битва произошла 8 сентября 1380 года по юлианскому календарю (21 сентября по современному григорианскому). Победа укрепила авторитет Москвы, но зависимость от Орды продолжилась. В 1382 году хан Тохтамыш разорил Москву.

Акт II. Василий I: осторожность как государственная стратегия

В 1389 году Дмитрий Донской умер. В духовной грамоте он передал великое княжение своему старшему сыну Василию. Это решение имело большое значение: московский престол переходил от отца к сыну, а не по старому принципу старшинства в княжеском роду.

— Но разве хан мог просто смириться с тем, что его не спросили? — спросил Миша.

— Формально отношения с Ордой оставались сложными, — ответил архивист. — Князьям по-прежнему приходилось учитывать ханскую власть, платить дань и добиваться признания. Но Москва постепенно отстаивала наследственный порядок внутри своей династии.

Василий I Дмитриевич правил в 1389–1425 годах. Его политика была осторожной. Он избегал столкновения с сильнейшими противниками, но расширял владения, укреплял связи с другими князьями и использовал династические браки. В 1390 году он женился на Софье Витовтовне, дочери могущественного литовского князя Витовта. Союз не устранил соперничество, но на время изменил его правила.

Великое княжество Литовское и Русское в конце XIV — начале XV века контролировало обширные земли, населённые восточными славянами. Его князья претендовали на влияние в русских княжествах. Москва и Литва могли быть родственниками, союзниками и соперниками — иногда одновременно.

— Значит, граница между «своими» и «чужими» была не такой чёткой, как на современной карте, — заметила Соня.

— Верно. Княжеский брак мог заключаться ради мира, но не отменял борьбу за Смоленск, Рязань или влияние на Новгород. Политика была не шахматной партией с двумя игроками, а доской, на которой одновременно ходили десятки сил.

В 1408 году к Москве подошло войско ордынского темника Едигея. Василий I покинул столицу, отправившись собирать силы. Москву обороняли горожане и княжеские воеводы. Едигей не смог взять укреплённый Кремль и ушёл после переговоров и получения откупа. Город пострадал, но сохранился.

— А что такое темник? — спросил Миша.

— Военачальник, которому приписывали командование туменом — крупным военным соединением. Едигей был фактическим правителем Орды, хотя его положение зависело от сложной борьбы между ханами и знатью.

На полях карты Соня записала: «Москва учится переживать удар, не ставя всё на одну битву».

Акт III. Удельная система: почему родство не спасало от войны

После смерти Василия I в 1425 году его сын Василий II был ещё ребёнком. Княжеский стол оспорил брат покойного — Юрий Дмитриевич, князь галицкий. Спор был не только личным. Он отражал столкновение двух правил наследования.

Лествичное, или очередное, право предполагало переход власти к старшему представителю рода. Наследственное право, которое укреплялось в Москве, передавало престол от отца сыну. Оба принципа имели сторонников и опирались на традиции. Когда они сталкивались, компромисс находили не всегда.

— А если князь умирал, не оставив взрослого наследника? — спросила Соня.

— Тогда спор мог охватить братьев, племянников, двоюродных родственников и их союзников. Княжеские уделы переходили из рук в руки, а вместе с ними — города, сборы и право судить. За каждым спором о законности стояли впол-

не материальные вещи: земля, дань, торговые пути и военная сила.

Борьба между Василием II и Юрием Дмитриевичем, а затем сыновьями Юрия — Василием Косым и Дмитрием Шемякой — продолжалась десятилетиями. В 1433 году Юрий занял Москву. После его смерти борьбу продолжили сыновья. Василий Косой был ослеплён, а в 1446 году Дмитрий Шемяка захватил и ослепил Василия II. Позднее великого князя стали называть Василием Тёмным.

— И всё-таки он вернулся к власти, — сказал Миша.

— Да. Его поддерживали многие московские бояре, духовенство и города. Для них ослепление князя стало не только семейной жестокостью, но и нарушением признанного порядка. Василий II сумел вернуть престол. Война завершилась к 1453 году, хотя отдельные конфликты и споры не исчезли в одночасье.

Эта борьба укрепила Москву, но оставила тяжёлое наследие. Удельные князья теряли самостоятельность; служилые люди всё сильнее зависели от государя; решения всё чаще принимались в центре. Единое государство рождалось не из согласия всех, а из длительного соперничества.

Термин следователя: удел

Удел — владение, выделенное представителю княжеской семьи. Удельная система помогала распределять власть между родственниками, но нередко приводила к усобицам и ослабляла оборону земель.

Акт IV. Иван III: государь, который менял карту

В 1462 году на московский престол вступил Иван III. Он правил до 1505 года и стал одним из ключевых создателей единого государства. Его политика сочетала переговоры, покупку земель, династические соглашения, военные кампании и административные решения.

— Он был завоевателем? — спросил Миша.

— Иногда. Но чаще он предпочитал, чтобы противник сам понял, насколько опасно сопротивляться, — ответил Павел Андреевич. — Иван III расширял владения Москвы, добивался признания её старшинства и постепенно подчинял себе соседей. Его власть росла не за один поход: её укрепляли десятки решений.

Среди важнейших присоединений были Ярославль в 1463 году и Ростов в 1474-м. В 1485 году к Москве была присоединена Тверь. Вятская земля вошла в состав Московского государства в 1489 году. Каждое присоединение имело собственную историю: где-то князья соглашались на условия Москвы, где-то уступали после военного давления, где-то решающую роль играла борьба местных группировок.

— А Новгород? — спросила Соня.

Новгородская республика была богатым торговым центром. Через её земли проходили пути к Балтийскому морю и северным промыслам. В городе действовало вече, избирались посадники, важную роль играл архиепископ. Однако политическую власть фактически контролировали влиятель-

ные боярские семьи. Часть новгородской верхушки стремилась к сближению с Литвой, опасаясь усиления Москвы.

В 1471 году войска Ивана III столкнулись с новгородским ополчением на реке Шелони. Москва победила. По Коротыньскому миру Новгород сохранил часть прежних порядков, но оказался в зависимости от великого князя. В 1478 году Иван III окончательно ликвидировал независимость республики. Вече перестало собираться, а вечевой колокол увезли в Москву — символический жест, который современники должны были понять без пояснений.

— Значит, колокол был уликой власти? — спросил Миша.

— Точнее, уликой её смены. В Новгороде он созывал горожан на вече. В Москве его появление говорило: решение теперь принимается не на городской площади, а при великокняжеском дворе.

После присоединения Новгорода многие представители местной знати переселились в другие земли, а их владения перераспределялись. Включение богатой территории усилило казну Москвы, но означало и утрату политической самостоятельности для жителей Новгородской земли.

Акт V. Москва и Литва: война, договор, граница

В XV веке западная граница оставалась источником напряжения. Великие князья московские стремились включить в своё государство земли, населённые восточными славя

нами и входившие в Великое княжество Литовское. Ли-

товские правители, в свою очередь, претендовали на роль главной силы всего русского мира.

Войны с Литвой шли в несколько этапов. Их сопровождали перемирия, переговоры и смена союзов. Иван III использовал внутренние конфликты литовской знати и поддерживал тех князей, которые переходили на московскую службу. Важную роль играла и дипломатия: браки, договоры, обмен посольствами, признание титулов.

— Можно ли назвать это объединением русских земель? — спросил Миша. — Или это обычное расширение государства?

— Историки обсуждают этот вопрос, — ответил архивист. — Для московских правителей это было «собираание русских земель». Для жителей присоединяемых территорий перемены могли означать смену власти, налогов, суда и военной обязанности. Одни поддерживали Москву, другие сопротивлялись. Нельзя описывать процесс только словами «объединились» или «завоевали»: нужно выяснять, что происходило в каждом конкретном городе.

В 1494 году было заключено перемирие, закрепившее часть территориальных изменений. Но противостояние продолжилось при Василии III. Войны начала XVI века принесли Москве Смоленск, который был взят в 1514 году. Однако в 1514-м московские войска потерпели поражение под Оршей от сил Великого княжества Литовского. Это напоминало: рост Москвы не был неостановимым и не сопровождался

одними победами.

Акт VI. Стояние на Угре: граница, ожидание и решение

Главная военная улика дела — карта реки Угры. Осенью 1480 года на её берегах встретились войска Ивана III и хана Большой Орды Ахмата. Ордынская власть над русскими княжествами уже ослабла, но вопрос о выплате дани и политическом подчинении оставался открытым.

Иван III прекратил перечислять дань. Ахмат решил восстановить прежний порядок и выступил на Русь. Он рассчитывал на поддержку великого князя литовского Казимира IV, однако тот не смог присоединиться к походу. Литовские земли сами оказались под угрозой со стороны крымского хана Менгли-Гирея, союзника Москвы.

Русские войска заняли оборону на Угре. Попытки ордынцев перейти реку были отражены. Несколько недель стороны наблюдали друг за другом, обменивались обстрелами и ждали изменения обстановки. С наступлением холодов Ахмат отвлёл войско. В историографии это событие получило название «Стояние на Угре». Обычно его датируют 1480 годом и связывают с прекращением зависимости Москвы от Орды.

— Почему его называют стоянием, а не битвой? — спросила Соня.

— Потому что решающим стало не одно генеральное сражение. Важны были оборона переправ, состояние армий, погода, снабжение, союзники и политические расчёты. Москва смогла сопротивляться, а Орда — уже не могла навязать

прежние условия. Но зависимость исчезала не по щелчку: менялись отношения, память о прежней власти и положение бывших ордынских государств.

Миша посмотрел на карту:

— Значит, граница здесь — не только линия между армиями. Это место, где проверялось, способен ли новый центр защитить свои решения.

— Именно так, — сказал Павел Андреевич. — Суверенитет — это не только слово в документе. Это способность самостоятельно принимать решения и отвечать за последствия.

Улика № 2. Угра

Стояние на Угре в 1480 году принято считать концом ордынской зависимости Московского государства. Итог определили не только военные действия, но и дипломатическая обстановка, союз Москвы с Крымским ханством и неспособность Ахмата получить помощь Казимира IV.

Акт VII. Софья Палеолог и новая символика власти

В 1472 году Иван III женился на Софье (Зое) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI. Этот брак имел дипломатическое и символическое значение, но не превратил Москву автоматически в наследницу всей Византийской империи.

— А двуглавый орёл появился именно тогда? — спросил Миша.

— Символика менялась постепенно, и её появление нель-

зя объяснять одним событием. Двуглавый орёл использовался в дипломатических документах и на печатях московского государя в конце XV века. Он связывал московский двор с представлениями о государственном достоинстве и международном статусе. Но символ работает только тогда, когда за ним стоят институты, территория и реальная власть.

В московском Кремле Иван III перестраивал дворцовые здания. Для работ приглашали итальянских мастеров, среди них Аристотель Фиораванти, участвовавший в строительстве нового Успенского собора. Кремль становился не только крепостью, но и центром управления, церковной жизни и дипломатии.

— Получается, архитектура тоже объединяла? — спросила Соня.

— Она делала власть видимой. Каменные стены показывали способность государства защищать столицу. Собор связывал княжескую власть с религиозной традицией. Печать удостоверяла документ. Монета облегчала расчёты. Здание, закон и символ могли говорить об одном: решения теперь исходят из центра.

Акт VIII. Судебник 1497 года: закон как инструмент государства

Павел Андреевич развернул копию Судебника. В отличие от летописей, этот документ говорил сухо и деловито — о суде, пошлинах, наказаниях и службе.

— В 1497 году при Иване III был составлен Судебник —

общегосударственный свод правовых норм. Его связывают с именем дьяка Владимира Гусева, хотя детали создания документа требуют осторожности. Судебник упорядочивал суд, определял полномочия должностных лиц и вводил общие правила для расширявшейся территории.

Важной была статья о переходе крестьян. Она разрешала крестьянам уходить от землевладельца в определённый срок вокруг осеннего Юрьева дня — при условии уплаты «пожилого», платы за пользование двором и хозяйством.

— Это уже крепостное право? — спросил Миша.

— Нет, не нужно перескакивать через историю. Судебник 1497 года ограничил время перехода, но полное юридическое закрепощение крестьян складывалось постепенно, в течение XVI–XVII веков. Важно видеть процесс, а не приписывать одному закону последствия, которые появились позднее.

Закон укреплял власть центра, но одновременно менял положение людей. Единые правила облегчали управление большой территорией, а ограничения перехода сужали свободу крестьян. Государство становилось сильнее — и требовало от населения больше службы, налогов и предсказуемости.

Соня посмотрела на рукопись:

— Значит, закон может и защищать, и ограничивать.

— Именно поэтому историк не должен объявлять любой закон «добрым» или «плохим» вне контекста. Нужно спро-

силь: кому он давал права, кому назначал обязанности и как исполнялся на местах.

Акт IX. Василий III: продолжение собирания

После смерти Ивана III в 1505 году престол занял его сын Василий III Иванович (1505–1533). Он продолжил политику централизации. В 1510 году к Москве был присоединён Псков, в 1514 году после войны с Литвой возвращён Смоленск, а в 1521 году ликвидирована самостоятельность Рязанского княжества.

Но каждое присоединение имело свою цену. Военные походы требовали людей и денег; новые земли нужно было включать в систему управления; местную знать приходилось убеждать, ограничивать или переселять. Единство строилось не одним указом.

При Василии III укреплялись центральные учреждения, росла роль великого князя, развивались дипломатические связи. При дворе служили представители разных земель, а государь стремился не допускать появления сильных самостоятельных центров рядом с Москвой.

В начале XVI века псковский старец Филофей сформулировал идею Москвы как «Третьего Рима». В посланиях он писал о преемственности христианских столиц после падения Рима и Константинополя. Позднее эту мысль стали воспринимать как важную идеологическую формулу Московского государства. Но она не была официальным законом и не должна упрощаться до лозунга о неизбежном мировом

господстве.

— Значит, идея тоже была инструментом управления? — спросил Миша.

— И способом осмыслить место страны в мире. Государства объединяются не только дорогами и приказами. Людям нужны общие символы, вера, память и представление о будущем. Но идея может вдохновлять, а может оправдывать чрезмерную власть. Исторiku важно видеть обе стороны.

Акт X. Детство Ивана IV: государь среди боярских распрей

В 1533 году Василий III умер, оставив наследником трёхлетнего Ивана. Регентшей стала его мать Елена Глинская. Она провела денежную реформу, объединив денежное обращение и введя серебряную копейку — название связывают с изображением всадника с копьём на монете. В 1538 году Елена умерла. После её смерти при дворе развернулась борьба боярских группировок.

Соня внимательно слушала:

— Мы часто говорим о детстве Ивана Грозного, будто знаем, что именно он чувствовал. Но откуда это известно?

— Из позднейших рассказов, писем и свидетельств современников, которые нужно оценивать критически. Мы можем говорить о борьбе при дворе и о том, что Иван рано оказался свидетелем насилия и соперничества. Но точно восстановить все его переживания невозможно. Историческая психология требует осторожности.

В 1547 году Иван IV был венчан на царство в Успенском соборе. Он принял титул царя, подчёркивавший особый статус правителя. В том же году в Москве произошёл крупный пожар, после которого вспыхнули волнения. Молодой царь и его окружение столкнулись с вопросом, как управлять огромной страной и не допустить нового распада.

В последующие годы начались реформы, связанные с Избранной радой: создание приказной системы, военные преобразования, деятельность Земских соборов, обновление законодательства. В 1550 году появился новый Судебник. В 1551 году состоялся Стоглавый собор, обсуждавший церковную жизнь.

— То есть Иван IV начинал как реформатор? — спросил Миша.

— Его правление было сложным и менялось со временем. Ранние преобразования и позднейшая опричнина — части одной биографии, но не одно и то же. История не обязана помещать человека в одну короткую характеристику.

Акт XI. Торговые дороги и повседневность единого государства

Павел Андреевич развернул карту дорог и рек. На ней были отмечены Москва, Новгород, Тверь, Смоленск, Нижний Новгород, Казань и Астрахань.

— Мы говорим о торговых путях, но важно не представлять их современными шоссе. Река была дорогой, зимой — санный путь, летом — водная магистраль. Перевозка това-

ра зависела от сезона, уровня воды, мостов и безопасности переправ. На рынках продавали хлеб, соль, меха, воск, металлы, ткани, лошадей. Купцы платили пошлины, нанимали охрану и зависели от княжеских решений.

Контроль над городами означал контроль над пошлинами и перевозками. Москва усиливалась не только потому, что побеждала в битвах, но и потому, что собирала вокруг себя маршруты, по которым двигались люди и товары. Государство строило дороги, обеспечивало охрану, устанавливало меры и веса — хотя этот процесс шёл неравномерно.

— А если дорогу перекрыть? — спросила Соня.

— Тогда город мог потерять снабжение, торговец — доход, а князь — налог. Поэтому переправа или речной порт порой были важнее крепостной стены. Война могла захватить город, но если не удавалось наладить снабжение и управление, победа оставалась временной.

В объединённых землях сохранялись различия: говоры, местные обычаи, городские порядки, способы землевладения. Московские правители не стирали их мгновенно. Они создавали общий административный каркас — приказы, служилые должности, общие правила суда и сбора налогов.

Акт XII. Загадка печати: что в итоге объединяло Русь?

К вечеру за окном перестал идти дождь. В архиве на столе лежали все улики: печать Ивана III, Судебник 1497 года, карта торговых дорог и копии летописных записей.

— Пора отвечать на главный вопрос, — сказал Павел Ан-

дреевич. — Что сильнее объединяло государство: военная победа, закон или контроль над торговыми путями?

Миша долго молчал.

— Если выбрать только один ответ, мы исказим историю. Победа могла присоединить землю, но не гарантировала, что её жители признают новую власть. Закон мог установить порядок, но без чиновников и войска его никто не исполнял бы. Торговля давала деньги и связи, но сама по себе не создавала единого государства.

Соня добавила:

— Москва усиливалась, когда эти вещи работали вместе: правитель договаривался с союзниками, собирал ресурсы, принимал законы и мог защитить границы. Но объединение было болезненным: Новгород потерял самостоятельность, крестьянские права постепенно ограничивались, а войны приносили потери.

— Вот ваш вердикт, — улыбнулся архивист. — Государство объединяли не одна печать и не один человек. Его создавали люди, решения и институты. Печать лишь удостоверяла, что решение принято. За ней стояли дороги, войско, казна, закон и представление о том, кто имеет право править.

Он осторожно убрал восковой оттиск в футляр. В следующем отсеке коробки лежала карта Москвы с угольными крестами у Китай-города.

— Дело номер четыре, — прочитал Миша. — «Карта Смуты».

Архивист закрыл коробку.

— Следующая эпоха начнётся с царского венца, а продолжится голодом, самозванцами и иностранными войсками в Кремле. Увидим, что происходит, когда государственная печать остаётся, а доверие к власти исчезает.

Соня посмотрела на зеленоватый оттиск. В его узорах ей теперь виделись не только орёл и всадник, но и руки тех, кто тянул нити истории: князей, купцов, воинов, крестьян, писцов. Печать собирала земли — но держать их вместе предстояло живым людям.

ГЛАВА 4. КАРТА СМУТЫ

Дело четвертое: от опричного раскола и пресечения династии до соборного возрождения Державы (1547–1613 годы)

Акт I. Протокол осмотра вещественных доказательств №4

За высокими стрельчатыми окнами музейного архива густила октябрьская мгла. Дождь методично хлестал по подоконнику, и этот однообразный плеск капель казался шагами невидимого караула. Четвертый отсек старой коробки открылся с резким, натужным скрипом медных петель. Внутри не было ни сверкающего золота, ни парадного шелка. На дне лежали вещи, тронутые дыханием величайшей государственной катастрофы.

Соня затаила дыхание, осторожно раскладывая находки на мягком льняном полотне. Первой уликой был пожелтевший, местами обугленный лист плотной голландской бумаги ручной отливки — гравированный план первопрестольной Москвы, известный историкам как «Сигизмундов чертеж». Однако это был не парадный экземпляр для европейских кабинетов. Поверх изящных латинских виньеток и гравюрных изображений кремлевских соборов чья-то нетерпеливая рука нанесла грубые пометки куском древесного угля и темными железо-галловыми чернилами. Жирными крестами были

перечеркнуты Сретенские, Никольские и Варварские ворота Китай-города; вдоль русла обмелевшей реки Неглинной тянулись пунктирные линии стрелковых шанцев, а возле Троицких ворот Кремля багровело засохшее пятно сургуча, в которое был вдавлен обломок шведского колесцового пистолетного кремня.

Рядом с картой лежал второй предмет — продолговатый свиток узкой серой бумаги, исписанный мелкой торопливой скорописью начала XVII века. Края свитка были иссечены осколками, а нижний угол хранил след от обугленного конского копыта. Соня склонила голову, с трудом разбирая витиеватые столбцы:

«...Память посадским людям Нижнего Новгорода: отдати третью деньгу со всяких пожитков и промыслов... а буде кто поскупится или похочет утаити имение свое, того человека сослати в заточение, а животы его взяти на ратных людей без пощады... ради спасения отчины и веры греческие...»

Миша, прислонившись к дубовому стеллажу, пристально вглядывался в третью улику — крошечную серебряную монету-чешуйку неправильной формы, тускло мерцавшую на черном бархате. Она была вдвое меньше обычной копейки времен Ивана Грозного, а на ее реверсе вместо привычной надписи «Царь и Великий Князь всея Руси» стояло неслыханное, невероятное сочетание букв: «Царь и Великий Князь Владислав Жигимонтович всея Руси».

— Польский королевич на московской монете? — Миша

поднял взгляд на Павла Андреевича. — Это как понимать? В Кремле чеканили монету с именем сына польского короля Сигизмунда III? Как страна, которая всего за полвека до этого покорила Казань, Астрахань и Сибирь, докатилась до того, что на ее престоле сидел католический принц, а в кремлевских палатах хозяйничали наемники гетмана Жолкевского?

Павел Андреевич медленно подошел к столу, снял очки в тонкой оправе и бережно расправил уголок карты Китай-города:

— Перед нами, друзья мои, не просто исторический эпизод. Перед нами анатомия Смутного времени — величайшей катастрофы, поставившей русское государство на грань полного физического уничтожения. Историки до сих пор спорят о том, что это было: гражданская война, социальная революция, кризис династии или колоссальная иностранная интервенция. Но главное в другом: Смута — это болезнь всего общественного организма. Это момент, когда рухнули все привычные институты власти: пресеклась династия, раскололась церковь, предали бояре, взбунтовались казаки, а столица присягнула иноземцу. И посреди этого пепелища возникла главная загадка нашего следствия: каким образом народное ополчение, собранное без царя, без приказа из Москвы, без государственной казны, силами провинциальных посадских людей и разорённых дворян, смогло одолеть сильнейшую регулярную армию Европы и заново собрать распавшуюся державу?

Архивист открыл толстую папку с пометкой «Дело № 4» и обвел ребят взглядом:

— Чтобы разгадать эту тайну, нам придется пройти по следам трагедии с самого начала — с того момента, когда первый русский царь Иван IV в припадке подозрительности разрушил хрупкий баланс между властью и обществом.».

Акт II. Два лика Грозного царя: Избранная Рада и Опричный разлом (1547–1584)

Павел Андреевич вынул из архивного ящика копию приговора Земского собора 1550 года и положил ее рядом с гравюрой, изображающей осаду Казани.

— Чтобы понять истоки Смуты, мы должны осознать: в первой половине своего правления царь Иван IV Васильевич (1533–1584 гг.) был великим реформатором. Пережив ужасы сиротского детства и боярских распрей, семнадцатилетний государь понимал: стране нужны коренные преобразования. Около 1549 года вокруг юного монарха сложился неформальный совет единомышленников — Избранная Рада, куда вошли дворянин Алексей Адашев, придворный священник Благовещенского собора Сильвестр, князь Андрей Курбский, митрополит Макарий и думный дьяк Иван Висковатый.

Соня открыла конспект, быстро сверяясь с терминами:

— Реформы Избранной Рады сформировали сословно-представительную монархию! В 1549 году был созван первый в истории России Земский собор — «Собор при-

мирения», где представители дворянства, духовенства и посадских людей получили право голоса. В 1550 году принят новый Судебник, упорядочивший судопроизводство и подтвердивший Юрьев день с увеличением платы за пожилое. Появились первые постоянные органы центрального управления — приказы: Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный. А в армии появились стрельцы — регулярная пехота, вооруженная пищалями и бердышами!»

— Именно так, — кивнул архивист. — И плоды этих реформ не заставили себя ждать. В 1552 году пала Казань: русские войска под личным командованием царя применили пороховые подкопы военного инженера Ивана Выродкова и взяли штурмом неприступную волжскую твердыню. В 1556 году без боя подчинилась Астрахань. Волга на всем своем протяжении стала русской рекой. Башкирские племена добровольно вошли в состав Руси, а на далеком востоке в 1581–1585 годах отряд казачьего атамана Ермака Тимофеевича сокрушил Сибирское ханство хана Кучума, открыв путь за Урал.

Миша постучал карандашом по столу:

— Но если всё развивалось столь блестяще, почему страна сорвалась в бездну?

Павел Андреевич тяжело вздохнул и перевернул лист:

— Роковым рубежом стал 1558 год, когда Иван IV начал Ливонскую войну (1558–1583 гг.) за выход к Балтийскому морю. Ливонский духовно-рыцарский орден был разгромлен

за два года, но это вызвало панику во всей Европе. На защиту Прибалтики встали могущественные соседи: Польско-Литовское государство, Швеция и Дания. Война превратилась в изнурительную четвертьвековую бойню на три фронта. Члены Избранной Рады умоляли царя остановиться и обратить внимание на угрозу с юга — со стороны Крымского ханства. Но Иван IV не терпел возражений. Смерть любимой жены Анастасии Романовны в 1560 году, в которой царь заподозрил боярский яд, окончательно разрушила союз монарха с Радой. Сильвестр и Адашев были отправлены в опалу, а лучший воевода царя князь Андрей Курбский в 1564 году бежал в Литву, начав знаменитую обличительную переписку с государем.

И вот в декабре 1564 года разразился опричный кризис. Царь внезапно покинул Москву, увез с собой казну и святыни в Александрову слободу, оттуда прислал две грамоты: одну митрополиту — с обвинением бояр в изменах, другую посадским людям — уверяя, что зла на них не держит. 3 января 1565 года под давлением толпы бояре умолили царя вернуться на престол на любых условиях. Условием стала опричнина.

Анатомия катастрофы: Опричнина (1565–1572)

Территориальный раскол: Государство разделено на «опричнину» (государев удел с личной армией, лучшими землями и отдельной думой) и «земщину» (остальная территория под управлением старой Боярской думы, обложенная

колоссальным налогом в 100 тысяч рублей на обустройство опричнины);

Опричный террор: Черный корпус опричников (Малюта Скуратов, Афанасий Вяземский) с собачьими головами и метлами на шеях как символами искоренения измены. Казнь митрополита Филиппа (Колычева) в Тверском Отроче монастыре за открытое обличение зверств царя;

Новгородский погром (1570 г.): По ложному доносу о намерении перейти под власть Польши царь учинил шестинедельное истребление Новгорода. Были убиты тысячи горожан, разграблены церкви и монастыри, река Волхов запружена трупами;

В мае 1571 года крымский хан Девлет-Гирей беспрепятственно обошел разложившиеся опричные заслоны и сожгли Москву дотла (погибли десятки тысяч москвичей). Лишь в 1572 году в битве при Молодах объединенное земско-опричное войско под командованием гениального воеводы князя Михаила Воротынского сокрушило крымско-турецкую армию, спася Россию от нового ига. После этого царь в страхе запретил само слово «опричина».

— Каковы же были итоги правления Ивана Грозного? — тихо спросила Соня.

— Полное разорение, — ответил архивист. — Запустили целые волости, до девяноста процентов пашни в центральных уездах заросло лесом. Крестьяне массами бежали на Дон и в Поволжье. Чтобы спасти помещиков от разорения, пра-

вительство в 1581 году ввело «Заповедные лета» — временный запрет на переход крестьян в Юрьев день, сделавший шаг к окончательному закрепощению. По Ям-Запольскому перемирию (1582 г.) с Речью Посполитой и Плюсскому перемирию (1583 г.) со Швецией Россия потеряла все завоевания в Прибалтике, уступив крепости Нарву, Ям, Копорье и Ивангород. А в ноябре 1581 года в припадке ярости царь нанес смертельный удар посохом в висок своему старшему сыну — царевичу Ивану. Трон остался без достойного наследника. Когда 18 марта 1584 года Иван Грозный упал замертво за шахматной доской, он оставил страну на краю тектонического разлома».

Акт III. Угличская драма и призрак Бориса Годунова (1584–1604)

Павел Андреевич выложил на стол серебряную чарку с чеканным вензелем и копию следственного дела 1591 года.

— После смерти Грозного на престол взошел его средний сын — Фёдор I Иоаннович (1584–1598 гг.). Государь был человеком глубоко набожным, кротким и физически слабым, которого народ прозвал «Блаженным». Он проводил дни в молитвах и звонил в колокола. Фактическим регентом и полновластным правителем державы стал брат царицы Ирины — боярин Борис Федорович Годунов.

Миша полистал документы:

— Но ведь Годунов был умнейшим государственным деятелем! Почему же его так ненавидели?

— В этом парадокс власти, Михаил, — заметил учитель.

— Годунов провел блестящие дипломатические акции. В 1589 году при поддержке константинопольского патриарха Иеремии в Москве было учреждено Патриаршество. Первым патриархом Московским и всея Руси стал сподвижник Годунова владыка Иов. Русская православная церковь обрела полную юридическую независимость. В Тязвинском мире (1595 г.) Годунов вернул утерянные земли на Балтике: Ям, Копорье, Ивангород. Он начал отправлять дворянских детей на учебу в Европу, поощрял книгопечатание, строил новые каменные крепости: Смоленскую стену зодчего Фёдора Коня, Белый город Москвы, крепости в Сибири и Поволжье (Самара, Саратов, Царицын, Тобольск). Но его статус «выскочки» бесил старую родовитую знать — князей Шуйских, Романовых, Голицыных, считавших Годунова безродным татарским мурзой Четом.

И вот грянул выстрел угличской трагедии. 15 мая 1591 года в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб последний отпрыск династии Рюриковичей — девятилетний царевич Дмитрий Иванович, сосланный туда вместе с матерью Марией Нагой. Следственная комиссия во главе с хитрым боярином Василием Шуйским вынесла вердикт: мальчик играл в ножички и во время припадка падучей болезни (эпилепсии) сам наткнулся горлом на острие. Однако народная молва вынесла свой беспощадный приговор: ребенка зарезали подосланные люди Бориса Годунова — Клешнин и Битя-

ГОВСКИЙ.

Соня подняла глаза от следственного протокола:

— В январе 1598 года умирает бездетный царь Фёдор Иоаннович. Пресеклась законная династия Рюриковичей, правившая 736 лет! Земский собор единогласно выбирает на царство Бориса Годунова. Но для средневекового сознания выборный царь — не «природный помазанник». Над ним висит тень убитого младенца».

— И природа словно подтвердила этот грех, — продолжил архивист. — В 1601–1603 годах на Русь обрушился Великий голод. Современные климатологи доказали: в Перу произошло катастрофическое извержение вулкана Уайнапутина, выбросившее миллионы тонн пепла в стратосферу и вызвавшее так называемую вулканическую зиму по всему северному полушарию. На Руси в июле шел снег, а в августе замерзли реки. Урожай сгнил на корню три года подряд. Начался страшный мор. В одной Москве похоронили в братских могилах более 120 тысяч человек! Годунов приказал открыть царские закрома и бесплатно раздавать хлеб и серебро, но запасов не хватало, а алчные бояре укрывали зерно, спекулируя ценами. Дошло до людоедства. Тысячи крестьян и холопов, выброшенных господами на улицу, сбивались в разбойничьи шайки. В 1603 году вспыхнуло мощное восстание под предводительством атамана Хлопка Косолапа, которое с трудом подавили царские войска во главе с воеводой Иваном Басмановым. Страна была психологически гото-

ва поверить в любое чудо, лишь бы избавиться от «проклятого» царя Бориса».

Акт IV. Тень из Речи Посполитой: Триумф и крах Лжедмитрия I (1604–1606)

Павел Андреевич вынул из архивной папки гравюрный портрет молодого человека с круглым безбородым лицом, крупной бородавкой у носа и руками разной длины, одетого в роскошный польский кунтуш.

— Осенью 1604 года через Днепр переправился отряд численностью едва ли в три тысячи человек. Во главе его ехал человек, объявивший себя чудесно спасшимся царевичем Дмитрием. Кто он был на самом деле? По официальной версии правительства Годунова — беглый дьякон кремлевского Чудова монастыря Юшка (Григорий) Отрепьев, галицкий мелкопоместный дворянин, служивший ранее у бояр Романовых. Но для нашего следствия важна не его биологическая личность, а его социальная роль. Лжедмитрий I был «испечен в польской печке, а заквашен в Москве». Его двигала вперед тайная поддержка польских магнатов Юрия Мнишека, Адама Вишневецкого и негласное благословение короля Сигизмунда III, которому авантюрист пообещал отдать Смоленск, Северские земли и ввести на Руси католичество.

Миша внимательно проследил по карте путь самозванца: — Невероятно! Его войско было разбито царскими воеводами в битве при Добрыничах в январе 1605 года. Как он

умудрился дойти до Москвы?

— В том-то и дело: Лжедмитрия побеждали на поле боя, но он побеждал в умах! — воскликнул архивист. — Ему сдавались без боя мощнейшие крепости: Чернигов, Путивль, Моравск, Рыльск. Южные окраины, заселенные казаками и беглыми крестьянами, видели в нем «истинного царя-избавителя». А в апреле 1605 года в разгар войны в Москве внезапно умирает пятидесятитрехлетний Борис Годунов — по слухам, приняв яд от безысходности. Царем провозглашают его шестнадцатилетнего сына Фёдора Борисовича — образованного юношу, составившего первую русскую карту государства. Но армия под Кромами переходит на сторону «царевича» во главе с любимым царским воеводой Петром Басмановым! В июне 1605 года в Москве вспыхивает мятеж: юного царя Фёдора и его мать зверски душат в кремлевских палатах, патриарха Иова лишают сана и с позором ссылают в Старицу. 20 июня 1605 года Лжедмитрий I торжественно въезжает в Кремль.

Соня вздрогнула:

— И народ поверил?

— Чтобы развеять сомнения, в Москву привезли настоящую мать царевича — старицу Марфу (Марию Нагую). При всенародной встрече мать «опознала» в самозванце своего сына! Она прекрасно понимала, что это чужой человек, но жаждала вырваться из монастырской тюрьмы и отомстить роду Годуновых. Лжедмитрий венчался на царство в Успен-

ском соборе новым патриархом-греком Игнатием.

Но самозванец совершил фатальную ошибку. Он отказался выполнять тайные обещания, данные полякам: не стал отдавать Смоленск и наотрез отказался переводить народ в католичество, понимая, что это верная смерть. Однако он откровенно презирал вековые русские обычаи: не спал после обеда, не ходил в баню, слушал в царских покоях католические органы, женился на католичке Марине Мнишек, которая была коронована царицей без православного крещения! А когда на свадьбу в мае 1606 года в Москву наехало более двух тысяч польских шляхтичей, которые начали пьянствовать, вламываться в дома горожан, чаша терпения переполнилась.

Рассветом 17 мая 1606 года бояре-заговорщики во главе с князем Василием Шуйским ударили в набат на колокольне Ивана Великого. Толпа москвичей бросилась к Кремлю. Лжедмитрий попытался спастись: он выпрыгнул из окна палат в глухой двор, сломал ногу и был опознан стрельцами. Подоспевшие бояре выволокли самозванца и расстреляли в упор. Труп расстриги выставили на поругание на Красной площади, нацепив на лицо скоморошью маску и сунув в зубы дудку. Затем тело сожгли в слободе Котлы, пепел смешали с порохом, зарядили в пушку-царь и выстрелили в сторону запада — туда, откуда пришел этот дьявольский морок».

Акт V. Гражданская война: «Боярский царь», Болотников и «Тушинский вор» (1606–1610)

Павел Андреевич вынул из архива пожелтевшую крестоцеловальную запись и развернул ее перед Соней и Мишей.

— Свергнув самозванца, бояре не стали созывать всенародный Земский собор. 19 мая 1606 года толпа сторонников князя Василия Ивановича Шуйского (1606–1610 гг.) просто «выкликнула» его царем на Красной площади. Вступая на трон, этот родовитый потомок суздальских Рюриковичей дал беспрецедентную крестоцеловальную запись: он поклялся не казнить бояр без суда Боярской думы, не отнимать имущество у родственников осужденных и не верить ложным доносам. Впервые в истории самодержавная власть монарха была формально ограничена законом в пользу боярской олигархии!

Миша хмыкнул:

— Конституционная монархия XVII века? Звучит прогрессивно!

— Звучит красиво, но на деле Шуйский был бездарным, мелочным интриганом, лишенным харизмы и полководческого дара, — возразил архивист. — Страна не приняла «боярского царя». По городам и весям пополз новый слух: в Кремле убили не Дмитрия, царь вновь спасся и собирает полки на юге! И этот слух взорвал пороховую бочку народного гнева.

Вспыхнуло грандиозное восстание Ивана Болотникова (1606–1607 гг.). Болотников — личность феноменальная: бывший военный холоп князя Телятевского, он попал в плен

к татарам, был продан на турецкие галеры, чудом освободился, проехал через Венецию, Польшу и объявил себя «большим воеводой царя Дмитрия». К его движению примкнули широчайшие слои: беглые крестьяне, казаки атамана Илейки Муромца, посадские низы и даже дворянские отряды Прокопия Ляпунова, ненавидевшие Шуйского! Осенью 1606 года повстанцы осадили Москву в Коломенском. Но пестрый союз угнетенных холопов и дворян был обречен на раскол: дворяне испугались призывов Болотникова «убивать господ и брать их вотчины» и перешли на сторону Шуйского. Царские войска разбили повстанцев, осадили их в Туле и, перекрыв реку Упу плотиной, затопили город. Болотников был схвачен, сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен в проруби.

Соня провела пальцем по карте Подмосковья:

— Но едва погас этот пожар, как на горизонте возник новый призрак — Лжедмитрий II!

— Летом 1607 года в Стародубе объявляется второй самозванец. Личность еще более темная: историки до сих пор точно не знают его настоящего имени (вероятно, школьный учитель из Шклова или Богдан Сутулов). Но за его спиной стояла мощная польская частная армия шляхтичей-наемников: Ян Сапега, Александр Лисовский, Роман Рожинский. В июне 1608 года самозванец подошел к Москве и разбил лагерь в подмосковном селе Тушино, получив презрительную кличку «Тушинский вор».

Началась фантасмагорическая эпоха двоевластия. Полто-

ра года Россия жила с двумя столицами, двумя царями и двумя правительствами! В Москве сидел царь Василий Шуйский с патриархом Гермогеном (сменившим Игнатия). В Тушино сидел Лжедмитрий II со своей «Тушинской боярской думой» и собственным нареченным патриархом Филаретом, захваченным тушинцами в Ростове. Бояре и дворяне без зазрения совести бегали из Москвы в Тушино и обратно за получением земель и чинов, за что получили прозвище «тушинских перелетов». Туда же привезли Марину Мнишек, которая не моргнув глазом признала во втором самозванце своего «погибшего мужа» и тайно обвенчалась с ним!

Шестнадцать месяцев (сентябрь 1608 — январь 1610 гг.) длилась героическая оборона Троице-Сергиева монастыря. Тридцать тысяч польских интервентов Сапеги и Лисовского с лучшей осадной артиллерией не смогли взять обитель преподобного Сергия, которую защищали всего две тысячи монахов, ратников и окрестных крестьян под командованием воевод Григория Долгорукова и Алексея Голохвастова! Обитель выстояла, став нравственным ориентиром для всей нации».

Акт VI. Спаситель Отечества: Взлет и гибель Михаила Скопина-Шуйского

Павел Андреевич вынул из папки изображение юноши в сверкающих латах с золотой рукоятью сабли.

— В этот момент полного бессилия на исторической сцене появляется фигура, способная переломить ход траге-

дии. Двадцатидвухлетний четвероюродный племянник царя — князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1586–1610 гг.).

Загнанный в угол царь Василий Шуйский совершает опаснейший внешнеполитический маневр: он отправляет Скопина в Новгород для заключения союза со Швецией. В феврале 1609 года в Выборге был подписан договор: шведы предоставляли корпус наемников Якоба Делагарди (5 тысяч бойцов) в обмен на передачу крепости Корела с уездом и колоссальное денежное жалованье. Но шведские наемники требовали золота и бунтовали. И тогда Скопин-Шуйский совершил подвиг: на севере страны, в Новгороде, Вологде, Ярославле он сформировал новое русское ополчение, обучил крестьян и посадских людей по передовой голландской тактике ведения пехотного боя с использованием земляных острожков и длинных пик!

Летом и осенью 1609 года армия Скопина-Шуйского двинулась к Москве, нанося поражения лучшим польским полковникам. Были деблокированы Переяславль, Александрова слобода, снята осада с Троице-Сергиева монастыря! В панике Лжедмитрий II бежал из Тушина в Калугу, переодевшись в крестьянскую телегу, а тушинский лагерь распался. 12 марта 1610 года полки Скопина-Шуйского триумфально вошли в Москву. Народ падал на колени, целовал полы его плаща и со слезами кричал: «Здравствуй, государь наш! Ты очистил царство от скверны!».

Миша сжал кулаки:

— И этот герой спас страну?

— В истории России зависть бездарных правителей не раз убивала национальных героев, — с горечью произнес архиепископ. — Популярность юного воеводы до смерти напугала старого бездетного царя Василия Шуйского и его бездарного брата Дмитрия, метившего в наследники престола. Спустя месяц после триумфа, 23 апреля 1610 года, на пиру у князя Воротынского жена Дмитрия Шуйского (дочь Малюты Скуратова) поднесла молодому князю чашу с вином. Выпив ее, Скопин-Шуйский почувствовал страшную резь в животе, из носа и ушей хлынула кровь. Через несколько дней великий полководец скончался в страшных муках. Ему было всего двадцать три года. С его смертью армия потеряла веру в победу».

Акт VII. Открытая интервенция и бездна Семибоярщины (1610–1611)

Павел Андреевич положил на стол ту самую серебряную чешуйку с именем польского принца Владислава.

— Расплата за подлое убийство наступила мгновенно. Польский король Сигизмунд III Ваза, воспользовавшись как предлогом русско-шведским союзом, сбросил маску миротворца и осенью 1609 года объявил России прямую войну, осадив ключевую западную твердыню — Смоленск. Двадцать месяцев (сентябрь 1609 — июнь 1611 гг.) гарнизон под командованием воеводы Михаила Шеина совершал чудеса

стойкости, сковав всю королевскую армию!

Но на помощь Смоленску двинулась царская армия под командованием бездарного царского брата Дмитрия Шуйского, 24 июня 1610 года в битве при Клушино польская гусария коронного гетмана Станислава Жолкевского наголову разгромила впятеро превосходящую русскую рать. Шведские наемники Делагарди предали и перешли к полякам. Дорога на Москву была открыта.

В июле 1610 года в Москве вспыхнул переворот: дворяне во главе с Захаром Ляпуновым свергли Василия Шуйского и насильно постригли его в монахи. Власть захватила дума из семи знатнейших бояр во главе с князем Федором Мстиславским — СЕМИБОЯРЩИНА.

Соня провела пальцем по тексту договора:

— И эти семь бояр пошли на прямую измену Родине?

— В паническом страхе перед стоявшим под Москвой Лжедмитрием II Семибоярщина совершила национальное предательство. В августе 1610 года они подписали договор с гетманом Жолкевским о признании четырнадцатилетнего польского королевича Владислава русским царем! Договор формально требовал перехода Владислава в православие, но король Сигизмунд III и не думал крестить сына — он сам вознамерился стать правителем России и присоединить ее к Речи Посполитой. А в ночь на 21 сентября 1610 года бояре тайно открыли Боровицкие ворота и пустили польский гарнизон пана Гонсевского в Московский Кремль.

Началась прямая оккупация. Власть перешла в руки коменданта Александра Гонсевского и предателя боярина Михаила Салтыкова. Россия фактически потеряла суверенитет. На севере шведы, заявив о нарушении Выборгского договора, захватили Новгород, Тихвин, Гдов и выставили претендентом на престол своего принца Карла Филиппа. Смоленск в июне 1611 года пал после штурма, когда предатель Дедшин указал полякам слабую часть стены. Страны больше не существовало. Казалось, история России подошла к своему трагическому финалу».

Акт VIII. Голос из подземелья и пробуждение Земли: Первое ополчение (1611)

Павел Андреевич вынул из архивного футляра полуистлевший лоскут пергамента с крупными, размашистыми буквами церковного письма.

— Но в оккупированной столице оставался один старик, которого оккупанты не смогли сломить ни золотом, ни угрозами. Восьмидесятилетний патриарх Гермоген. Запертый в подземелье Чудова монастыря, лишенный пищи и воды, святитель отказался подписать грамоту с призывом покориться королю Сигизмунду. Вместо этого он тайно передавал на волю послания к русским городам:

«Благословение священного собора преосвященным владыкам, и воеводам, и всему православному христианству: видите, братия, погибель царства нашего! Пишите во все грады к воеводам и посадским людям, чтоб стояли крепко за

веру Христову и святую соборную церковь, а королевича на царство без крещения не пушали... а буде не послушают — буди на них клятва святых отец!»

Польские надзиратели заморили непреклонного патриарха голодной смертью в феврале 1612 года, но его слово всколыхнуло страну. На призыв Гермогена откликнулась Рязань. В начале 1611 года сформировалось Первое земское ополчение. Его вождями стали рязанский дворянин Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий.

Миша нашел в записях дату:

— В марте 1611 года ополчение подошло к Москве, и в городе вспыхнуло восстание!

— Да, знаменитое Московское восстание 19–20 марта 1611 года. Поляки, чувствуя гибель, подожгли деревянный Белый город. Москва сгорела почти дотла. В уличных боях на Сretenке был тяжело ранен князь Дмитрий Михайлович Пожарский, сражавшийся плечом к плечу с восставшими москвичами. Ополченцы заблокировали оккупантов в обугленном кольце Китай-города и Кремля.

Но Первое ополчение рухнуло из-за внутренних противоречий. 30 июня 1611 года был принят «Приговор всей земли», который закрепил господство дворян и восстановил крепостные порядки для беглых крестьян. Казаки, составлявшие ударную силу войска, взбунтовались. Поляки искусно подбросили фальшивую грамоту, в которой Ляпунов яко-

бы приказывал топить казаков. 22 июля 1611 года казаки вызвали Ляпунова в свой круг и зарубили саблями. Ополчение распалось. Казачьи таборы Заруцкого остались под стенами грабить окрестности, а поляки в Кремле торжествовали победу».

Акт IX. Нижегородское чудо: Кузьма Минин и князь Пожарский (1611–1612)

Павел Андреевич положил на середину стола ту самую память о сборе третьей деньги, с которой начался наш осмотр.

— И вот здесь наступает кульминация всей нашей исторической саги. Сентябрь 1611 года. Нижний Новгород. Волга. Город, не знавший крепостного гнета, богатый посадскими ремесленниками и купцами. В земскую избу приносят грамоту от патриарха Гермогена и казанских людей. Земский староста, торговец мясом и рыбой Кузьма Минин выходит на паперть Спасо-Преображенского собора перед созванным вечерним сходом горожан.

Архивист прочел слова, выбитые в бронзе на памятнике в Москве:

«Мужие, братие, ненадобно пожалеть животов наших, да не точию животов — дворы свои продадим, жен и детей заложим, но выкупим православную веру и отечество наше! И зыщем человека честного, коему бы ратное дело было за обычай...»

Соня сжала пальцы:

— Люди отдавали последнее? Серьги, оклады с икон,

деньги?

— Минин был гениальным финансистом и жестким практиком, — подчеркнул учитель. — Он понимал: на одном голом энтузиазме армию не построишь. Была введена обязательная чрезвычайная раскладка: каждый житель отдавал «пятую деньгу» (двадцать процентов имущества), а богатые купцы — и третью долю. Сам Минин отдал все свои золотые и серебряные ценности и часть платья. На эти средства было закуплено лучшее оружие, порох, наняты опытные служилые дворяне — смоляне, лишившиеся своих поместий после захвата Смоленска поляками.

Военным вождем единодушно избрали тридцатитрехлетнего князя Дмитрия Михайловича Пожарского, лечившегося от ран в своем имении Мугреево под Суздалем. Пожарский поставил твердое условие: хозяйственной частью и казной будет безраздельно заведовать выборный человек «всея земли» Кузьма Минин. Возник уникальный в мировой истории тандем: князь-полководец и простолюдин-гражданин.

В марте 1612 года Второе земское ополчение выступило из Нижнего Новгорода. Но пошли не прямо на Москву, а вверх по Волге — на Ярославль. Это был гениальный стратегический маневр. В Ярославле ополчение простояло четыре месяца (апрель — июль 1612 г.). Город превратился во временную столицу возрождающейся России. Был создан «Совет всея земли» — полноценное правительство из представителей всех сословий, заработали приказы, открылся мо-

нетный двор, чеканивший независимую серебряную копейку с именем святого царя Фёдора. К ополчению присоединились полки из Костромы, Вологды, Владимира, Рязани, Казани. Второе ополчение стало регулярной, спаянной дисциплиной национальной армией».

Акт X. Битва за Москву: Огонь у Китайгородской стены (Август — Октябрь 1612)

Павел Андреевич вновь придвинул к ребятам карту Китай-города с угольными пометками.

— В конце июля 1612 года пришла тревожная весть: к Москве на помощь осажденному польскому гарнизону форсированным маршем движется двенадцатитысячная армия великого коронного гетмана Литвы Яна Карла Ходкевича — выдающегося полководца, победителя шведов, с огромным обозом продовольствия (более четырехсот возов с зерном и солониной). Если бы Ходкевич прорвался в Кремль, выбить оккупантов стало бы невозможно. Пожарский совершает стремительный бросок и 19 августа 1612 года встает лагерем у стен Белого города Москвы вдоль реки Неглинной.

Решающее сражение развернулось 22–24 августа 1612 года:

— 22 августа Ходкевич форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря и бросил в атаку элитную тяжелую кавалерию — крылатых гусар. Гусары смяли позиции ополченцев у Чертольских ворот. Стоявшие на другом берегу казаки Трубецкого безучастно смотрели на избиение, заявляя:

«Пусть дворяне бьются, они богаты!». Лишь самовольный удар четырех конных сотен казаков спас положение. Атака Ходкевича захлебнулась.

Кульминация наступила 24 августа в Замоскворечье. Гетман бросил в бой все резервы. Жестокая сеча кипела у Климентовского острожка на Пятницкой улице. Наемники Ходкевича выбили русских ратников и

захватили укрепление. Ополчение дрогнуло и начало отступать к реке. Казалось, всё потеряно.

И в этот смертный миг вперед выходит гражданин Минин! Он берет у Пожарского три дворянские сотни и резервный отряд перебежчика ротмистра Хмелевского, скрытно переправляется через Москву-реку напротив Крымского двора и наносит неожиданный, сокрушительный удар во фланг и тыл наступающим ротам Ходкевича! В рядах интервентов вспыхнула паника. Увидев этот дерзкий порыв, с противоположного берега с криком «Христов корень побеждает!» бросились в атаку казаки Трубецкого и пехота Пожарского. Армия Ходкевича была разорвана на части. Бросив обозы, артиллерию и раненых, прославленный европейский полководец в ужасе бежал к Поклонной горе и ушел на запад. Гарнизон в Кремле был обречен на голодную смерть.

Соня указала на перечеркнутые ворота Китай-города:
— И начался последний штурм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.